

Международный научно-практический
правовой журнал

„ЗАКОН И ЖИЗНЬ”

Издание аккредитовано Высшим советом
по науке и технологическому развитию
АН Молдовы.

Решение №61 от 30.04.09

Категория «С»

ISSN 1810-3081

Учредитель: Министерство
юстиции Республики Молдова

Соучредители:

Конституционный суд, Высшая судебная палата, Министерство внутренних дел, Министерство здравоохранения, Институт истории, государства и права АН РМ, Академия МВД «Штефан чел Маре», Славянский университет, Кагульский госуниверситет Б.П. Хашдеу, Институт прикладной криминологии и уголовной политики, Балтийская Международная Академия.

Издается с января 1991 г.
№ 5 (245) 2012 г.

Главный редактор
Л. АРСЕНЕ

Редакционная коллегия

Намик Гасан оглу Алиев, доктор хабилитат права, профессор (Баку), В. Бужор, доктор права, А. Буриан, доктор хабилитат права, М. Георгицэ, доктор хабилитат права, профессор, В. Гуцуляк, доктор права, профессор, Е. Ищенко, доктор юридических наук, профессор (Москва), И. Кайряк, доктор права, Н. Карпов, доктор юридических наук, профессор (Киев), Г. Костаки, доктор хабилитат права, профессор, В. Наумов, зам. главного редактора, Б. Сосна, доктор права, и.о. профессора, В. Флоря, доктор права

Адрес редакции:
2012. Кишинев, ул. Пушкина, 22
Дом печати,
телефон для справок: mob. 067431761;
© Перепечатка материалов только с разрешения
издателя

E-mail: legea_zakon@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

- В. ГЛУШКОВ, Е. БИЛИЧАК.** Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью в Украине: генезис и перспективы совершенствования с учетом опыта стран СНГ 4
- Г. ГУСТОВ, Н. КИТАЕВ, Р. АРДАШЕВ,** О применении специальных знаний при розыске трупов людей 10
- А. ЛОНЧАКОВ.** Глобализация единого образовательного пространства содружества независимых государств 13
- А. ЛУКАШОВ.** Лишение специального права как вид наказания: вопросы унификации в законодательстве Беларуси, Молдовы, России, Украины и других государств 18
- Н. БОЙКО.** К вопросу о правовой регламентации участия граждан в проведении митингов, демонстраций, манифестаций и иных собраний 29
- Г. СУЛТ.** Социальная работа в пенитенциарной системе Республики Молдова: перспективы и современность 33
- Н. АКИНФIEВА.** Некоторые проблемы обращения ценных бумаг в странах Европейского союза 37
- П. ЧЕБЕРЯК.** Криміналістичний аналіз економічних злочинів 41
- Л. ФЕДОСЬEВА.** Принцип презумпции невиновности: теория и практика его реализации в уголовном судопроизводстве Республики Молдова 45
- С. ГРИЦУК-БУЧКА.** Информация как объект правового регулирования 51
- В. СТЕРПУ.** Проблема изучения зарубежного опыта по предупреждению преступлений и его использование в деятельности органов внутренних дел 56

Компьютерный набор. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная

Усл. п.л. 7,5

Отпечатано SRL „Cetatea de Sus”

г. Кишинэу

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В УКРАИНЕ: ГЕНЕЗИС И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ С УЧЕТОМ ОПЫТА СТРАН СНГ

В. ГЛУШКОВ,
 доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Украины
Е. БИЛИЧАК,
 кандидат юридических наук

SUMMARY

В статье речь идет о прокурорском надзоре за оперативно-розыскной деятельностью в Украине. Раскрывается его генезис и перспективы совершенствования с учетом опыта стран СНГ.

С использованием метода нормативно-сравнительного анализа в статье исследованы основные этапы становления и развития прокурорского надзора за законностью ведения оперативно-розыскной деятельности в Украине, а также с учетом опыта стран СНГ в этой сфере, определены перспективы совершенствования механизмов его функционирования.

Оперативно-розыскная деятельность, как отдельный вид государственно-властной деятельности уполномоченных законом органов, преимущественно направлена на выявление, пресечение и раскрытие глубоко латентных преступлений, что обуславливает применение преимущественно конспиративных форм и методов работы. Именно конспиративные методы документирования противоправной деятельности позволяют скрыть от правонарушителей факт заинтересованности ими со стороны правоохранительных органов и раскрывать преступления на самых ранних этапах их подготовки и совершения, осуществлять эффективную и своевременную профилактику противоправных деяний. Нередко организация и проведение уполномоченными подразделениями оперативно-розыскных мероприятий связаны с ограничением задекларированных Конституцией Украины и международными договорами прав человека на неприкосновенность жилища и иного владения, тайну переписки, телефон-

ных разговоров, телеграфной и иной корреспонденции, неприкосновенности семейной и личной жизни. С целью всемерного утверждения верховенства закона, укрепления правопорядка, соблюдения гарантированных Конституцией, законами Украины и международно-правовыми актами социально-экономических, политических, личных прав и свобод человека и гражданина, установленного законом порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий, за ведением уполномоченными органами оперативно-розыскной деятельности устанавливается прокурорский надзор.

Основные принципы прокурорского надзора за законностью ведения оперативно-розыскной деятельности, полномочия государственных органов в этой сфере, определены Конституцией Украины, Законами Украины «О прокуратуре», «Об оперативно-розыскной деятельности» и другими нормативными актами. Следует подчеркнуть, что уже с момента принятия указанных нормативных актов и по на-

стоящее время осуществляется непрерывная перестройка национального законодательства, направленная на совершенствование прокурорского надзора за законностью ведения оперативно-розыскной деятельности. В частности, за время существования действующий Закон Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» претерпел множество изменений и дополнений, в том числе, в части правового регулирования надзора за оперативно-розыскной деятельностью уполномоченных законом субъектов. Проследившая генезис законодательства, которым устанавливается прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью в Украине, следует отметить наличие общих тенденций постепенного укрепления этого института. Очевидно, что эти процессы вызваны демократизацией отечественного оперативно-розыскного законодательства, как следствия имплементации европейских и мировых стандартов деятельности правоохранительных органов в сфере национального оперативно-розыскного и уголовно-процессуального права.

Подтверждение этой мысли можно получить проанализировав отдельные редакционные изменения Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности», а также проекты законо-

дательных нормативных актов, определяющих основные направления развития контрольно-надзорных механизмов за деятельностью оперативно-розыскных подразделений [1, ст. 303; 2]. 3 Украинский законодатель практически всегда рассматривал прокурорский надзор как одну из наиболее весомых гарантий законности её осуществления. Об этом свидетельствует то, что непосредственно в первой редакции Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливался прокурорский надзор за обеспечением законности проведения оперативно-розыскных мероприятий ограничивающих права человека. А именно, в соответствии с законом № 2135-ХП, в редакции от 18 февраля 1992 года, полномочиями по надзору за законностью ведения оперативно-розыскной деятельности наделялись Генеральный прокурор Украины и подчиненные ему прокуроры Крымской АССР, областей, городов Киева и Севастополя. Согласно содержанию ч. 2 ст. 8 закона, к исключительным полномочиям Генерального прокурора Украины было отнесено санкционирование оперативно-розыскных мероприятий по негласному проникновению в жильё, визуальное наблюдение в нём, снятие информации с каналов связи, применение иных технических средств получения информации и контроль телеграфно-почтовой корреспонденции.

Несколько позже, законом № 2549-ХП от 07.07.92г., были внесены изменения в действующий Закон Украины «Об оперативно-розыскной деятельности», и право санкционирования указанных мероприятий также было предоставлено также заместителям Генерального прокурора Украины, прокурорам Республики Крым, областей, города Киева и приравненным к ним прокурорам.

С принятием Конституции Украины наметился новый этап в правовом регулировании оперативно-розыскной деятельности уполномоченных органов. Учитывая конституционные требования, в Закон Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» были внесены изменения и дополнения, которые гарантировали соблюдение прав человека в ходе ее ведения и конкретизировали содержание полномочий органов прокуратуры в сфере надзора за её законностью. Соответственно, законом № 2246-III от 18.01.2001 г. были внесены изменения в Закон Украины «Об оперативно-розыскной деятельности», и ч. 2 ст. 8 устанавливалось, что негласное проникновение в жилище или иное владение лица, снятие информации с каналов связи, контроль за перепиской, телефонными разговорами, телеграфной и иной корреспонденцией, применение иных технических средств получения информации проводятся по решению суда, принятому по результатам рассмотрения представления руководителя оперативного подразделения или его заместителя, о чём на протяжении 24 часов уведомляется прокурор. В ст. 14 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности», путём принятия законов № 2246-III от 18.01.2001 г., № 3111-III от 07.03.2002 г., были внесены дополнения, которые определяли границы прокурорских полномочий по надзору за законностью ведения оперативно-розыскной деятельности, и расширяли круг надзорных прокуроров, к которым теперь относились уполномоченные приказом Генерального прокурора Украины начальники и прокуроры управлений, отделов Генеральной прокуратуры Украины и прокуратуры Автономной Республики Крым, областей, городов Киева и Севастополя. К полномочиям

надзорных прокуроров, в соответствии с положениями статьи закона, были отнесены право беспрепятственного входа во все помещения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность; проверки распоряжений, инструкций, приказов и других актов, принятых отдельными ведомствами в сфере оперативно-розыскной деятельности, оперативно-розыскных дел, регистрационных, учетных, отчетных, статистических, аналитических документов и иных сведений по осуществлению оперативно-розыскных мероприятий. Согласно положениям ст. 14 закона, уполномоченные прокуроры также получили право поручать руководителям соответствующих органов проведение в подведомственных им подразделениях проверок с целью устранения нарушений закона, давать письменные указания о проведении оперативно-розыскных мероприятий в интересах уголовного судопроизводства, о розыске без вести пропавших лиц; давать согласие на продление срока ведения оперативно-розыскной деятельности; получать объяснения относительно нарушений требований закона от должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, проверять жалобы на нарушение законов органами, ведущих оперативно-розыскную деятельность, с ознакомлением в необходимых случаях с оперативно-розыскными материалами; отменять незаконные постановления о заведении или закрытии оперативно-розыскного дела, приостановлении или возобновлении оперативно-розыскной деятельности или о других решениях, противоречащих закону; принимать меры по устранению нарушений законности при проведении оперативно-розыскной деятельности и о привлечении виновных к установленной за-

коном ответственности; опротестовывать незаконное постановление суда о разрешении или отказе на проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Вместе с тем ч. 3 ст. 14 закрепила предостережение, что сведения о лицах, конфиденциально сотрудничающих или сотрудничавших с разведывательным органом Украины, принадлежности конкретных лиц к кадровому составу разведывательных органов, а также формы, методы и средства разведывательной деятельности и организационно-штатная структура разведывательных органов в предмет прокурорского надзора не входят [1, ст. 303]. В указанной редакции нормы Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности», устанавливающие основы прокурорского надзора за соблюдением прав человека в ходе ее ведения, действуют и сегодня.

Как и в Украине, организация и осуществление оперативно-розыскной деятельности в странах СНГ также регламентируется специализированным законодательством. Следует отметить, что оперативно-розыскные законы отдельных государств-членов СНГ имеют между собой некоторое родство.

Очевидно, это объясняется тем, что базовую основу для их разработки составляли Модельные законы «Об оперативно-розыскной деятельности», принятые в разное время странами сотрудничества как методики для разработки унифицированного законодательства, обеспечивающего возможность эффективного сотрудничества их правоохранительных органов [3; 4].

Поэтому границы прокурорского вмешательства в сферу деятельности оперативно-розыскных органов, предусмотренные законом способы и порядок реагирования на выявленные нарушения, достаточно близки.

Различия, на наш взгляд, обуславливаются способом организации государственной власти и национальной правосознанием субъектов законотворчества, который реализуется в дифференциации подходов к установлению оснований и пределов прокурорского вмешательства в ход оперативно-розыскной деятельности уполномоченных законом органов.

Сегодня Украина находится на пороге существенных изменений системы уголовного преследования, происходит постепенное реформирование оперативно-розыскного законодательства, досудебного и судебного уголовного судопроизводства, которые сопряжены с мировыми процессами глобализации, охватывающими также правовые системы отдельных государств. Развивая национальное оперативно-розыскное законодательство, целесообразно изучать положительный опыт зарубежных стран в сфере его правового регулирования, и по возможности заимствовать то лучшее, что может послужить во благо украинского государства. Учитывая общность норм законодательства, стоит сосредоточиться на анализе правового регулирования прокурорского надзора за ведением уполномоченными субъектами оперативно-розыскной деятельностью в странах СНГ, в частности, Азербайджана, Белоруссии, Армении, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана, Туркменистана.

Результаты проведенного анализа позволят определить возможные недостатки отечественного оперативно-розыскного закона и предложить пути его дальнейшего усовершенствования.

На исключительную важность прокурорского надзора в оперативно-розыскной деятельности указывает и то, что он предусмотрен законодательством

всех без исключения стран СНГ. В частности, отдельными статьями оперативно-розыскных законов определяется перечень прокуроров, уполномоченных осуществлять надзор за оперативно-розыскной деятельностью и содержание их полномочий. Однако в отдельных странах полномочия прокуроров существенно отличаются по объему. На наш взгляд, наиболее широкая компетенция в сфере надзора за законностью оперативно-розыскной деятельности предоставлена прокурорам Беларуси, России, Казахстана, Киргизии, Туркменистана.

Сделанный вывод можно аргументировать тем, что их оперативно-розыскным законодательством закреплены нормы, которые обязывают прокуратуру реагировать на выявленные нарушения закона органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, обеспечивать законность ее ведения путем рассмотрения жалоб граждан на неправомерные действия должностных лиц оперативных подразделений. На оперативно-розыскные подразделения правоохранительных органов законодательством этих стран, в свою очередь, возлагается обязанность предоставления уполномоченным прокурорам соответствующих материалов оперативно-розыскной деятельности, за исключением тех, которые раскрывают сведения о лицах, внедренных в преступные организации, о штатных негласных сотрудниках оперативных подразделений и лицах, конфиденциально сотрудничающих с оперативно-розыскными органами [5; 6; 7; 8; 9; 10]. Такие сведения, по оперативно-розыскному законодательству отдельных стран, могут быть разглашены с письменного согласия этих лиц, либо в случае привлечения их к уголовной ответственности (Азербайджан,

Армения, Казахстан, Таджикистан).

Достаточно показательным примером в этом случае могут быть нормы оперативно-розыскных законов Беларуси и Туркменистана. А именно, ст. 6 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» Республики Беларусь № 289-3 от 9 июля 1999 года предоставляет право лицу, считающему, что его права были ограничены в ходе ведения оперативно-розыскной деятельности, обжаловать действия оперативного подразделения в вышестоящий орган, в прокуратуру или суд [5]. Ст. 4 закона «Об оперативно-розыскной деятельности» Республики Туркменистан № 965-ХП от 24 сентября 1994 г., в свою очередь, закрепляет аналогичные нормы, и определяет, что основанием для обращения лица к указанным органам может выступать осведомленность о проведении относительно него оперативно-розыскных мероприятий. По требованию прокурора или суда орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, обязан предоставить все оперативно-служебные документы, содержащие информацию, в которой было отказано заявителю, за исключением сведений, составляющих государственную или военную тайну [9].

Законодательством подавляющего большинства стран СНГ на прокуратуру возлагается надзор за законностью осуществления интрузивных оперативно-розыскных мероприятий. В частности, соответствующие нормы предусмотрены оперативно-розыскными законами Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Киргизии, Туркменистана.

К полномочиям прокурора в осуществлении надзора за оперативно-розыскной деятельностью оперативных подразделений Республики Кыргызстан также принадлежит санкциониро-

вание интрузивных оперативно-розыскных мероприятий. Ст. 9 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» Республики

Кыргызстан указывает, что проникновение в жилище лица осуществляется в исключительных случаях и только с санкции соответствующего прокурора [8]. Соответствующие нормы содержит также туркменский оперативно-розыскной закон. Обследование жилых помещений, согласно ст. 11 Закона Туркменистана «Об оперативно-розыскной деятельности», осуществляется исключительно с санкции Генерального прокурора Туркменистана, его заместителей, прокуроров вelayтов, шахера Ашхабада и военных прокуроров [9].

Сопоставляя положения отдельных оперативно-розыскных законов, можно сделать вывод, что наиболее широкими полномочиями в санкционировании оперативно-розыскных мероприятий среди стран СНГ обладает прокуратура Беларуси. Это утверждение основывается на анализе ст. 13 закона «Об оперативно-розыскной деятельности» Республики Беларусь.

Согласно её содержанию, проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, допускается только с санкции прокурора или его заместителя на основании мотивированного постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, при наличии признаков подготавливаемого или совершённого преступления, действиях или событиях, которые создают угрозу национальной безопасности Республики Беларусь. Законом установлены максимальные сроки проведения интрузивных мероприятий, разрешение на их продление также даёт уполномоченный прокурор. Кроме того, прокурорский надзор в Беларуси

устанавливается также за организацией и проведением оперативной закупки, контролируемой поставки и оперативного эксперимента [5].

На довольно значительный объем полномочий белорусской прокуратуры в сфере надзора за законностью оперативно-розыскной деятельности указывают и другие положения белорусского оперативно-розыскного закона. В частности, в ст. 5 его закреплено, что «в пределах своей компетенции и по согласованию с Генеральным прокурором Республики Беларусь оперативно-розыскные органы издают нормативно-правовые акты, регламентирующие организацию и тактику проведения оперативно-розыскных мероприятий, при условии, что иное не установлено Президентом Республики Беларусь» [5]. Аналогичные нормы, позволяющие уполномоченным прокурорам санкционировать либо согласовывать ведомственные нормативные акты в сфере ведения оперативно-розыскной деятельности, содержатся также в оперативно-розыскных законах Казахстана, Туркменистана. Согласно ст. 5 закона Казахстана «Об оперативно-розыскной деятельности», Генеральный прокурор в пределах своей компетенции принимает нормативно-правовые акты по вопросам применения норм законодательства Республики Казахстан об оперативно-розыскной деятельности, которые являются обязательными для исполнения уполномоченными органами [7]. Необходимость согласования с прокурором ведомственных нормативных актов в сфере оперативно-розыскной деятельности предусмотрена также законом «Об оперативно-розыскной деятельности» Республики Туркменистан № 965-ХП от 24 сентября 1994 г. [9]. На наш взгляд, право прокурора на согласование или утверждение

подзаконных нормативных актов органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, является существенной гарантией ее законности, так как предохраняет от возможности принятия приказов, указаний, распоряжений и инструкций, противоречащих требованиям закона.

Подводя итоги сравнительного анализа оперативно-розыскного законодательства стран СНГ и Украины, следует сделать вывод, что в подавляющем большинстве оперативно-розыскных законов полномочия прокуратуры и порядок осуществления прокурорского надзора за законностью её ведения регламентированы более четко, поскольку предлагают реальные механизмы, позволяющие прокуратуре реализовывать задекларированные законом права. Оперативно-розыскной закон Казахстана, с целью выявления нарушений законности со стороны оперативно-розыскных органов, предоставляет право надзорным прокурорам привлекать специалистов, уполномоченных использовать специальные технические средства. Ст. 25 этого же закона наделяет этих прокуроров правом привлечения к уголовной или дисциплинарной ответственности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в случае совершения ими правонарушений [7].

Ряд оперативно-розыскных законов стран-членов Содружества обеспечивают реальные возможности прокуратуры по реагированию на жалобы и заявления граждан относительно правонарушений оперативно-розыскных органов, так как обязывают их представлять по требованию прокурора материалы оперативно-розыскной деятельности, накопленные относительно заявителей. В отдельных странах оперативно-розыскные законы

предусматривают возможность ознакомления с оперативно-розыскными материалами самих заявителей, за исключением документов, разглашающих государственную и военную тайну.

В противовес, отдельные оперативно-розыскные законы стран СНГ не содержат правовых норм, определяющих механизм осуществления прокурорского надзора в этой сфере. Прежде всего, указанное распространяется на законы «Об оперативно-розыскной деятельности» республик Азербайджан и Армения. В частности, оперативно-розыскным законом республики Азербайджан от 28 октября 1999 года, по сравнению с проанализированными выше законами, не закреплено четких норм, обеспечивающих функционирование механизмов прокурорского надзора за законностью ведения национальными субъектами оперативно-розыскной деятельности. А именно, азербайджанским законом не установлено прокурорского надзора за законностью интрузивных оперативно-розыскных мероприятий, в армянском и азербайджанском законах не определен порядок доступа уполномоченных прокурорских работников к материалам оперативно-розыскной деятельности, не определены способы прокурорского реагирования на выявленные нарушения законности [11; 12].

Итоги анализа оперативно-розыскного законодательства стран СНГ свидетельствуют в пользу того, что одной из безусловных гарантий законности ее ведения признается прокурорский надзор. Объем полномочий органов прокуратуры в оперативно-розыскной деятельности уполномоченными субъектами в отдельных странах определяется способом организации государственной власти, существующими законодательными традициями и является непосред-

ственным показателем уровня правопорядка в государстве. По сравнению с украинским Законом «Об оперативно-розыскной деятельности», аналогичные нормативные акты большинства стран СНГ содержат более четкие механизмы реализации полномочий прокуратуры в этой сфере. В отличие от ряда зарубежных законов, действующий оперативно-розыскной закон Украины не содержит норм, устанавливающих обязанность прокуратуры реагировать на выявленные нарушения законодательства путем привлечения виновных лиц к юридической ответственности и предоставления возможности жалобщику ознакомиться с содержанием сведений, собранных относительно него в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Отсутствие в украинском законодательстве соответствующих норм указывает на недостаточную разработанность механизмов законодательного урегулирования прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью в Украине.

Особое значение эта проблема приобретает в контексте обновления национального оперативно-розыскного законодательства. А именно, речь идет о разработке депутатской группой в составе Швеца В.Д., Москаля Г.Г., Бевза В.А., Грицака В.Н., Малышева В.С. законопроекта «Об оперативно-розыскной деятельности», внесенного на рассмотрение Верховной Рады Украины взамен проекта № 2134 от 16.07.2009г. [2]. Сопоставляя содержание норм проекта с нормами действующего Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности», следует подчеркнуть, что он предоставляет органам прокуратуры более широкие полномочия по надзору за законностью ведения оперативно-розыскной деятельности. Одновременно, в сравнении с рядом законодательных актов стран СНГ,

недостатком этого законопроекта следует считать то, что он не предлагает действенных механизмов, обеспечивающих реальное влияние прокуратуры на ход ведения уполномоченными субъектами оперативно-розыскной деятельности с целью предотвращения возможных нарушений закона. Например, законопроект не предоставляет прокуратуре право согласовать ведомственные нормативные акты, регламентирующие ведение оперативно-розыскной деятельности, не конкретизирует порядок реагирования прокурора на выявленные нарушения, а также не обеспечивает реальной возможности доступа граждан к информации, которая собиралась по ним в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

Современное украинское оперативно-розыскное законодательство входит в новый этап своего развития. Значительное влияние на выбор путей его совершенствования оказывают общеевропейские и мировые процессы демократизации и гуманизации полицейского и уголовно-процессуального права. Учитывая изложенное, следует акцентировать внимание на том, что в ходе разработки проекта оперативно-розыскного закона важно беспокоиться не только о закреплении надлежащего инструментария ведения уполномоченными субъектами оперативно-розыскной деятельности.

Учитывая мировые и европейские тенденции, положительный опыт стран СНГ, целесообразно вводить в оперативно-розыскной закон нормы, обеспечивающие реальные возможности прокуратуры по надзору за ее законностью, с целью недопущения незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, как одной из фундаментальных общечеловеческих демократических ценностей.

Литература:

1. Закон Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» // Ведомости Верховной Рады Украины. - М., 1992. - № 22. - Ст. 303.

2. Проект Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности», внесенный на замену проекта № 2134 от 16 июля 2009 года [Электронный ресурс] / Режим доступа страницы: <http://search.ligazakon.ua>.

3. Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», Принятый на десятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ [Электронный ресурс] (Постановление № 10-12 от 6 декабря 1997 года) / Режим доступа со страницы: <http://www.consultant.ru/online>.

4. Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», принятый на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ [Электронный ресурс] (Постановление №27-6 от 16 ноября 2006 года) / Режим доступа со страницы: <http://www.cisatc.org>.

5. Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 289-3 [Электронный ресурс] / Режим доступа со страницы: <http://pravo.by/main/asprx>.

6. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» Российской Федерации от 12 августа 1995 года N 144-ФЗ (ред. от 28.12.2010) [Электронный ресурс] / Режим доступа со страницы: http://libirtarium.ru/l_sormlaw_101.

7. Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» Республики Казахстан от 15 сентября 1994 года № 13 [Электронный ресурс] / Режим доступа со страницы: <http://webcache.googleusercontent.com/search>.

8. Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» Республики Киргизия от 16 октября 1998 года N 131 [Электронный ресурс] /

Режим доступа со страницы <http://webcoche.googleusercontent.com/search>.

9. Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» Республики Туркменистан от 23 сентября 1994 года № 965-ХП [Электронный ресурс] / Режим доступа со страницы <http://legislationline.org/tu/documents>.

10. Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» Республики Азербайджан от 28 октября 1999 года № 728-1Г [Электронный ресурс] / Режим доступа со страницы: <http://www.mia.gov.az>.

11. Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» Республики Армения от 9 ноября 2007 года № ЗР-223 [Электронный ресурс] / Режим доступа со страницы: <http://parliament.am>.

12. Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» Республики Таджикистан от 25 марта 2011 года № 687 [Электронный ресурс] / Режим доступа со страницы: www.majlisimillij.tj.

О ПРИМЕНЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РОЗЫСКЕ ТРУПОВ ЛЮДЕЙ

Г.ГУСТОВ,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ /г.Санкт-Петербург, Россия/

Н.КИТАЕВ,

кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РФ /г.Иркутск, Россия/

Р.АРДАШЕВ,

соискатель отдела аспирантуры Иркутского государственного технического университета /г.Иркутск, Россия/

SUMMARY

The article suggests the common analysis of the issue of application of specific knowledge by law enforcement agencies in searching for dead bodies. The authors recommend engaging expert hydrologists in investigating activities conducted in water areas.

* * *

В публикуемой статье дан общий анализ проблемы использования специальных знаний правоохранительными органами при розыске трупов людей. Авторы рекомендуют привлечение к таким мероприятиям специалистов-гидрологов, когда розыск охватывает акваторию водоемов.

В последние 15 лет на фоне общего роста преступности в Российской Федерации наблюдается значительно выросшее число дел, возбуждаемых в связи с исчезновением граждан, или дел о так называемых убийства «без трупа» [8].

Количество лиц, объявленных в розыск как без вести пропавших, имеет тенденцию к росту. О неблагоприятной ситуации, сложившейся в данной сфере, заявил советник председателя Конституционного Суда РФ В.С.Овчинский: «Десятки тысяч людей пропадают без вести, их не ищут. Они фактически все убиты – и это дело рук организованной преступности и различных маньяков... Вся уголовная статистика направлена на сокрытие реального количества преступлений, в том числе убийств» [5]. Известный российский криминолог проф.В.В.Лунеев утверждает: «Мы не имеем объективной уголовной и криминологической статистики... Если посчитать нераскрытые убийства, лиц без вести пропавших, ...на свободе «гуляет» около 100 тысяч безнаказанных убийц» [10, с. 9].

Поиск трупов убитых (или пропавших без вести) лиц производится на основании оперативной и следственной информации, которая часто лишена конкретности и только приблизительно позволяет определить границы участка (акватория водоема или территория суши), где предстоят поиски [17, с. 146-150]. Для этого нередко привлекается большое количество участников, техники [3, с. 58-66]. Криминалисты разных стран давно используют различные приборы для обнаружения трупов, сокрытых в земле [7, с. 18-21 // с. 123]. Существуют также «изобретения» в данной сфере, на которые зарегистрирован патент, но практически они не используются в правоприменительной деятельности по причине несостоятельности декларированных рекомендаций [1, с. 78-87].

Проблеме избличения убийц, прибегающих к сокрытию трупов и следов преступления в целом, посвящены различные исследования [6, с. 43-45]. Вместе с тем нужно отметить, что в работах по криминалистике и оперативно-розыскной деятельности не получила должного освещения тема использования специальных знаний при розыске трупов людей в водоемах [11, с. 62-63].

Е. Л. Лукьянчиков и В.П. Цильвик, изучившие в Республике Украина 125 уголовных дел по фактам убийства лиц, которые разыскивались, как пропавшие, а также 370 розыскных дел о пропавших без вести, пишут: «По данным нашего исследования, поиски затопленных трупов в 12,5% случаев проводились с помощью водолазов и лиц, имеющих навыки применения других поисковых средств (магнитного подъемника, трапа и т.п.). В практике известны случаи успешного использования помощи спортсменов-аквалангистов» [9, с. 49].

Надо учесть, что помощь во-

долазов в таких мероприятиях влечет ощутимые материальные затраты, что отражается на бюджете правоохранительных органов. Кроме того, отсутствие точных сведений о местонахождении трупа зачастую делает работу водолаза бесполезной [13, с. 60-63]. Не всегда помощь поискам трупа в акватории может оказать и моделирование перспективного местонахождения тела с помощью специалистов в области судебной медицины. Так, тела людей, находящиеся под водой, всплывают через некоторое время под влиянием гнилостных газов, образующихся в тканях. Быстрота всплытия зависит от разных факторов (глубина погружения, температура воды, наличие груза, привязанного к телу, скорости потока и т.п.). В пресных водах летом при температуре более 20 градусов Цельсия труп всплывает на второй день, при утоплении в глубоких морских водах – через 7-8 дней. Зимой при температуре воды, близкой к нулю градусов, тело может оставаться неделями на дне, поскольку процессы гниения заторможены. В проточной воде гниение происходит медленнее, чем в стоячей, что влияет также на время всплытия тела [14, с. 92-96].

Изучение специальной литературы, а также практической деятельности правоохранительных органов позволяет заключить, что существенную помощь в розыске трупов людей в водоемах может оказать использование знаний гидрологии – науки о водах на поверхности Земного шара. Гидрология разделяется на три самостоятельные научные дисциплины: а) океанологию (гидрологию моря); б) гидрологию суши (точнее, гидрологию поверхностных вод

суши); в) гидрогеологию (гидрологию подземных вод) [15, с. 4]. Объектами изучения гидрологии суши являются реки и каналы, озера и водохранилища, болота и ледники. Обычно гидрология суши разделяется на: гидрологию рек (речную гидрологию, или потамологию); гидрологию озер (озероведение или лимнологию); гидрологию болот (болотоведение) и гидрологию ледников (гляциологию) [16, с. 5].

В специальной литературе отмечалась несомненная польза судебно-гидрологической экспертизы при расследовании убийств, сопряженных с сокрытием тел потерпевших в водоемах [2, с. 44-48]. К сожалению, подобные исследования малоизвестны и почти не используются правоохранительными органами России и СНГ. Однако специалисты-гидрологи, на наш взгляд, могут оказывать эффективную консультативную помощь при таких розыскных мероприятиях. Достаточно указать на один признак, отмечаемый в работах гидрологов, палеонтологов, историков - накопление трупов павших животных в определенных местах рек: в излучинах (крутых изгибах русла рек); в местах падения рек со склонов на равнинную поверхность; в устьях (при впадении реки в море, другую реку или озеро) [4, с. 62].

В таких местах много тысяч лет назад возникали стоянки древних людей, что позволило академику М.А.Мензбиру заключить: «...Человек употреблял для своих целей и животных, погибших не от его рук... Местные условия могли благоприятствовать накоплению трупов на одном участке, и, может быть, это накопление дало мысль людям – современникам

погибавших животных – устроить свое становище именно в этом месте» [12, с. 179]. Во всех таких местах имеются отмели в русле, или у одного из берегов реки, на которых аккумулируются трупы животных и людей, а также иные предметы, плывущие по течению. Так, на реке Урал существует 38 подобных мест [18, с. 107,122-127,191].

Таким образом, на наш взгляд, используя гидрологическую характеристику того или иного водоема (знание режима русловых процессов и т.п.), можно с большой степенью вероятности организовать поиск трупа человека в определенном месте, не тратя значительных сил и средств на обширные обследования огромной акватории в целом. В 2011-2012г.г. одним из авторов были направлены запросы руководителям главных управлений МВД России по федеральным округам на тему: используют ли работники полиции при розыске трупов людей в водоемах помощь специалистов-гидрологов?

Из ответов ГУ МВД РФ по Сибирскому [19], Приволжскому [20], Южному [21], Северо-Западному [22], Центральному [23], Уральскому [24] федеральным округам усматривается, что, к сожалению, такие контакты оперативных сотрудников с гидрологами – отсутствуют. Исключением явился ответ начальника управления уголовного розыска ГУ МВД России по Красноярскому краю С.В.Белякова: «При возникновении необходимости в поисках трупов мы привлекаем специалистов, в том числе из Енисейского речного пароходства, Красноярского центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды» [25].

Изложенные обстоятельства

позволяют сделать вывод о наличии реальной возможности повышения эффективности розыска трупов людей в водоемах с помощью специалистов-гидрологов, и о том, что в настоящее время такая возможность не реализуется надлежащим образом.

Литература:

1. Архипова А.Н., Китаев Н.Н. «Криминалистическая магия» под сенью Роспатента // В защиту науки. Вып.8. М., 2011.
2. Архипова А.Н., Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Актуальные вопросы судебно-гидрологической экспертизы // Академический юридический журнал. 2010 № 3(41).
3. Бегалиев К., Попов В.И. Теоретические вопросы осмотра места происшествия // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 39. М., 1983.
4. Верещагин Н.К. Великие «кладбища» животных в долинах рек Русской равнины // Природа. 1955. № 12.
5. Гришин А. Десятки тысяч убийц в России по-прежнему никто не ловит // Комсомольская правда. 2010. 15 декабря.
6. Густов Г.А. Программно-целевой метод организации раскрытия убийств. Л., 1985; Он же. Комплексный подход к раскрытию убийств. Л., 1988; Он же. Раскрытие, расследование убийств в условиях неочевидности. Л., 1989; Он же. Проблемы методов научного познания в организации расследования преступлений: Автореф. дис... докт. юрид. наук. М., 1993.; Густов Г.А., Барановский С.И., Китаев Н.Н. Проверка версии о виновном. СПб., 1992.
7. Исаенко В. Из практики поиска трупов и вещественных доказательств на предварительном следствии // Законность. 1998. № 6.; Селиванов Н.А. Современное состояние криминалистической техники и пути ее развития // Вопросы криминалистики. Вып.5 (20). М., 1962.
8. Килессо Е.Г. Методика расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего: первоначальный этап расследования: Автореф. дис...канд. юрид. наук. СПб., 2004; Корчагин А.А. Расследование убийств, связанных с исчезновением лиц женского пола: Автореф. дис...канд. юрид. наук. Барнаул, 2003.
9. Лукьянчиков Е.Л., Цильвик В.П. Использование специальных знаний при розыске пропавших без вести лиц // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып.40. Киев, 1990.
10. Лунеев В.В. О криминализации экономических преступлений предпринимателей // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 4.
11. Махов В.Н. Участие специалистов в следственных действиях. М., 1975.
12. Мензбир М.А. Очерк истории фауны Европейской части СССР (от начала третичной эры). М., 1934.
13. Михайлов А.И., Юрин Г.С. Обыск. М., 1971.
14. Рубежанский А.Ф., Савченко С.В. Характер и сроки развития трупных изменений в воде // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып.40. Киев, 1990.
15. Соломенцев Н.А. и др. Гидрология суши. 2-е изд. Л, 1976.
16. Соломенцев Н.И. и др. Указ. Раб.
17. Трофимов А.А. О практике расследования уголовных дел об убийствах и причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, по которым трупы потерпевших не обнаружены // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Вып.6. Барнаул, 2006.
18. Чеботарев А.И. Гидрологический словарь. Изд. третье. Л., 1978.
19. Письмо ГУ МВД РФ по Сибирскому федеральному округу № 1/А-2 от 31 января 2012г. Личный архив Р.Г.Ардашева.
20. Письмо ГУ МВД РФ по Приволжскому федеральному округу № 1/374 от 3 февраля 2012г. Личный архив Р.Г.Ардашева.
21. Письмо ГУ МВД РФ по Южному федеральному округу № 47 Ж/А-2 от 7 февраля 2012г. Личный архив Р.Г.Ардашева.
22. Письмо ГУ МВД РФ по Северо-Западному федеральному округу № 1/А-1 от 10 февраля 2012г. Личный архив Р.Г.Ардашева.
23. Письмо ГУ МВД РФ по Центральному федеральному округу № 35/А-4 от 14 февраля 2012г. Личный архив Р.Г.Ардашева.
24. Письмо ГУ МВД РФ по Уральскому федеральному округу № 10/1-А от 24 февраля 2012г. Личный архив Р.Г.Ардашева.
25. Письмо № 19/980 от 24 февраля 2012 г. Личный архив Р.Г.Ардашева.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЕДИНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СОЖРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

А. ЛОНЧАКОВ,
директор ДВЮИ, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

SUMMARY

В статье речь идет о глобализации единого образовательного пространства Содружества Независимых Государств.

Единое образовательное пространство опосредствует собой организационную структуру, форму, методы и принципы осуществления образовательного процесса на системной основе. В этой связи целесообразно использовать единые правовые понятия организации всех видов образовательного процесса. По нашему мнению, в основе постановки предлагаемой концепции должны находиться взаимно детерминированные правовые предписания применительно к модельной типологии организации и управления этим процессом. В частности, модельный образовательный кодекс – нормативное установление, систематизирующее правовые нормы, регламентирующие организацию и управление в сфере образования, как взаимно детерминированной системы управления. В этой связи нормы, регламентирующие содержание форм, видов, методов образования, носят рекомендательный характер.

Основными способами систематизации законодательства являются инкорпорация и кодификация. Инкорпорация – способ систематизации имеющихся правовых нормативных актов в области образования без изменения содержания заключающихся в них норм права. Кодификация – способ систематизации законодательства в области образования, при котором работа не ограничивается только внешней обработкой имеющихся правовых нормативных актов в определенном порядке, но и пересматриваются заново все имеющиеся в области образовательного права нормы, восполняются пробелы в законодательстве, устраняются имеющиеся расхождения и противоречия между отдельными нормами.

В результате кодификации в

области образования в странах СНГ должен быть модельный кодекс, который представляет собой новый законодательный акт, заменяющий действовавшие ранее законы и иные правовые акты, регулирующие тот же круг отношений, модельной типологии организации и управления этим процессом. Следовательно, объективная реальность такова, что независимо от того насколько познаны пробелы необходимости реформирования образования, они объективно существуют и оказывают воздействие на систему качества подготовки кадров для обеспечения оптимального функционирования экономики, социально-культурной сферы, административно-политической деятельности Содружества Независимых Государств. Поэтому

модернизация образования ни в коей мере не связана с модными течениями реформирования, так как научно-обоснованные теории в конечном итоге реализуются в позитивных результатах функционирования государства.

Представляется, что глобализация единого образовательного пространства есть комплексная программа всего гражданского общества содружества государств. В этой связи она опосредствует собой решение следующих задач: создание нормативной базы по вопросам поддержки и развития интеграционных процессов в сфере образования; согласование государственных образовательных стандартов всех уровней образования, требований к подготовке и аттестации научных и научно-педагогических кадров; обеспечение взаимного признания и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях; согласование порядка аттестации и аккредитации образовательных учреждений; научное и учебно-методическое обеспечение единого образовательного пространства; создание системы информационного обеспечения образовательного пространства. При этом следует иметь в виду, что эти мероприятия включаются в программы развития образования, подготовки научных и научно-педагогических кадров государств – участников Содружества Независимых Го-

сударств в качестве самостоятельных мероприятий. Решение о финансировании совместных мероприятий принимается заинтересованными государствами и оформляется отдельно многосторонними или двусторонними соглашениями, то есть многосторонними административными мандатами.

Однако только этим невозможно обосновать концепцию в части административного мандата. Дело в том, что глобализация предполагает создание нормативной базы, регулирующей вопросы поддержки и развития интеграционных процессов в сфере образования, подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров; согласование государственных стандартов всех уровней образования, требований к подготовке и аттестации научных и научно-педагогических кадров; обеспечение взаимного признания и эквивалентности документов образования, ученых степеней и ученых званиях; согласование порядка аттестации и аккредитации образовательных учреждений государств – участников Содружества; учебно-методическое обеспечение единого образовательного пространства; создание системы информационного обеспечения единого образовательного пространства; научное обеспечение единого образовательного пространства, формирование единых подходов к развитию законодательства в сфере финансового обеспечения межгосударственных научных исследований в области образования.

Несомненный интерес представляют проблемы создания сферы образовательных ресурсов, формирование основных направлений развития системы образовательных ресурсов, формирование основных направлений развития системы дистанционного образования, создание

организационно-экономического механизма функционирования системы дистанционного образования, системы управления качеством. По нашему мнению, целесообразно создать научно обоснованную типологию взаимодействия на системной основе взаимно детерминированных образовательных структур по научно отраслевому признаку на основе классификации наук, ибо глобализация образования в настоящее время есть объективная реальность, являющаяся основным фундаментом развития науки. Дело в том, что науке как взаимно обусловленной категории прежде всего свойственны высоко нравственные качества мировой цивилизации. Поэтому глобализация образования в условиях стремительно развивающихся информационных технологий, в период интеграционных экономических процессов и политико-правового регулирования внутренней жизни каждой отдельно взятой страны, это взаимно обусловленный процесс.

Однако, несмотря на это, проблема глобализации остается в состоянии *de lege ferenda*. Одним словом, всеобщий процесс глобализации в сфере образования и науки опосредствует собой фундаментальные проблемы поступательного развития мировой цивилизации. Можно определить данный процесс как совокупность объективно фиксируемых изменений, имеющих своей основной целью объединение мира в единое целое. В основание глобализации положены следующие главные идеи: «мир-системный», представляющий человеческое сообщество как систему взаимодействующих регионов, гармонии которых свойственны модернизация и гегемонизм как геополитические основания [1].

Представляется, что этим объясняется концепция о глобальном неравенстве.

Неравенство между людьми в последние два столетия резко усилилось не из-за роста неравенства внутри отдельных стран, а в связи с неравномерностью развития различных обществ в аспекте образовательных систем.

Мировая глобализация образования, по нашему мнению, включает следующую организационно-правовую структуру, сущность которой состоит в том, что она предназначена на основе мировой классификации наук оказывать позитивное воздействие на формирование гражданского общества. В частности, это: профессиональная подготовка – ускоренное приобретение обучающимися навыков, необходимых для выполнения определенной работы, группы работ, не сопровождающихся повышением образовательного уровня; начальное профессиональное образование – подготовка работников квалифицированного труда (рабочих, служащих) по всем основным направлениям общественно полезной деятельности на базе основного общего образования или среднего (полного) общего образования; среднее профессиональное образование – образование, обеспечивающее приобретение гражданами профессиональных знаний, навыков на базе среднего общего, среднего общего (полного) или начального профессионального образования; высшее профессиональное образование – образование, имеющее целью подготовку и переподготовку специалистов соответствующего уровня, удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении своего образования на базе среднего общего (полного) образования, начального профессионального образования, среднего профессионального образования; послевузовское профессиональное образование – образование, представляющее гражданам возможность повы-

шения уровня образования, научной, педагогической квалификации на базе профессионального образования; дополнительное образование – образование в пределах соответствующих уровней профессионального образования, осуществляемое в целях совершенствования компетентности или повышения уровня квалификации по той или иной профессии; специальное образование – обучение детей с физическими недостатками или испытывающих по тем или иным причинам определенные трудности в учебе, которое осуществляется в специальных или обычных учебных заведениях.

Предложенная типология глобальной образовательной системы обеспечивает государственную политику в области образования регулировать деятельность государства в целях эффективного использования возможностей образования для достижения вполне определенных стратегических целей и решения задач общегосударственного или глобального значения [2].

Она реализуется посредством законов, государственных образовательных стандартов и программ, правительственных постановлений, международных программ и договоров и других актов, в также путем привлечения общественных организаций и движений, широкой общественности для ее поддержки имеющимися в их распоряжении средствами. Следует иметь в виду, что глобально типология носит динамический характер. В этом ее результативность в качестве механизма управления, так как автономия учебных заведений – самостоятельность в подборе и расстановке кадров, осуществлении учебной, научной, финансово-хозяйственной и иной деятельности в соответствии с законодательством и уставом учебного заведения. Кроме того, это

позволяет формировать академические свободы (свобода излагать учебный предмет по своему усмотрению, выбирать темы для научных исследований и проводить их своими методами, а также свобода обучающихся получать знания согласно наклонностям).

В государствах – участниках, подписавших Соглашение о сотрудничестве по формированию единого образовательного пространства Содружества Независимых Государств, реализуются образовательные программы, которые подразделяются на общеобразовательные и профессиональные.

Все другие специальные понятия, используемые в формировании нормативной базы в данной области, не должны по присущему им значению противоречить изложенным основным понятиям. Полагаем в этом юридическая сущность административного мандата. Следовательно, на современном этапе развития общества, кроме перехода к рыночным отношениям и непосредственному правовому взаимодействию граждан между собой, существует еще дополнительный фактор изменения в общественном правовом сознании – фактор глобализации [3]. Основной характеристикой данного глобализационного процесса, сказывающегося на изменении правосознания, является неравномерное, но неуклонное установление связей всех со всеми. Снижается потребность в управленческих конструкциях. Человек освобождается от государственной бюрократии, государство перенимает на себя в основном полицейские функции, по остальным вопросам человек волен сам принимать решения. Поэтому в условиях глобализации правосознание человека стремительно развивается. Все меньше становится возможным ориентироваться на законодательную базу в силу ее

огромного объема. Кроме законов собственной страны, которые существуют в огромном количестве и подразделяются на законы федеральные, региональные и местные, существуют международные договоры, которые также во многом определяют законодательство. Одним словом, не всякий юрист может сразу сориентироваться в правовой ситуации, не говоря уже об обычных гражданах. При этом необходимость постоянно вступать в правоотношения очевидна. Одним из немногих решений данной проблемной ситуации является переход на другой уровень правосознания, на котором человек способен кроме знания законов предполагать, как нужно действовать, то есть использует интуитивное право, или же смотрит, как поступают в подобных ситуациях другие, а также предполагает собственные варианты поведения, которым, в свою очередь, будут подражать другие граждане. Для более точного и детального определения изменения в правовом сознании в ходе глобальных изменений правосознание необходимо рассматривать в его иерархическом проявлении (уровни правосознания).

В результате глобализации все более распространенным становится восприятие правовой ситуации на уровне обыденного правового сознания [4]. Большой объем законодательной базы и ее постоянная изменчивость приводят в тому, что не только люди без специального образования плохо ориентируются в действующем законодательстве, но и профессиональные юристы не всегда совпадают в правовой оценке той или иной ситуации. Отсюда желание следовать только букве закона, не вдаваясь в ее значение или смысл, а также стремление оценивать ситуацию с точки зрения морали и нравственности и руководствоваться моральным

уровнем правосознания. Такой способ поведения не всегда является эффективным. Чем выше уровень правосознания, тем более правильным, объективным становится восприятие правовой действительности и умение функционировать в ней.

Эта концепция достаточно рельефно просматривается в десяти заповедях глобализации Мартина Вольфа [5].

1. Рыночная экономика – единственная система, способная обеспечить устойчивый рост благосостояния, при условии, что она подкрепляется либеральной демократией и предоставлением всем людям возможности добиваться того, что они желают в этой жизни.

2. Главной ареной для политических дискуссий и носителями легитимности являются отдельные государства. Наднациональные институты получают легитимность и полномочия от государств, входящих в их состав.

3. Участие в международных договорных режимах и институтах по обеспечению общественных благ в глобальном масштабе, в том числе открытости рынков, защиты окружающей среды, здравоохранения и международной безопасности, соответствует интересам государств и их граждан.

4. Подобные режимы должны иметь конкретный и целенаправленный характер. Но им необходимы и механизмы, обеспечивающие их соблюдение.

5. Всемирная торговая организация функционирует чрезвычайно успешно. Но она уже слишком сильно отклонилась от главной задачи – поощрения либерализации торговли. Следует пересмотреть и аргументы в пользу разработки единых обязательств для всех ее членов, поскольку в этом случае к переговорам подключается большое количество малых стран, не оказывающих суще-

ственного влияния на мировую торговлю.

6. Есть много аргументов в пользу установления международных режимов в области инвестиций и глобальной конкуренции. Но подобным режимам обязательно должны подчиняться все страны мира. Было бы лучше создать режимы, охватывающие меньшее количество стран, но предусматривающие более высокие стандарты.

7. Интеграция в состав глобальных финансовых соответствует долгосрочным интересам всех стран. Но они должны понимать необходимость установления оптимального валютного режима, в большинстве случаев – плавающего курса, а также создания прочной и хорошо отрегулированной финансовой системы.

8. В отсутствие всемирного «кредитора на крайний случай» следует осуществить отсрочку и реструктуризацию выплат по государственной задолженности. Особенно много аргументов можно привести в пользу разработки механизма списания «одиозных долгов» – задолженности, образовавшейся в результате деятельности политически нелегитимных режимов.

9. Помощь в целях развития на государственном уровне – отнюдь не гарантия экономического успеха. Однако суммы, выделяемые сегодня на эти цели, настолько малы (в 2001 году они составляли лишь 0,22% ВВП стран-доноров), что было бы полезно увеличить такую помощь, при условии ее умелого использования. Помощь должна предоставляться странам, осуществляющим разумную политику, и она не в коем случае не должна быть настолько велика по объему, чтобы освободить государство от необходимости получать большую часть бюджетных средств внутри самой страны.

10. Странам следует, как пра-

вило, позволять учиться на собственных ошибках, даже если в результате некоторым из них не удастся добиться прогресса. Однако мировое сообщество должно иметь также возможность и желание вмешаться в ход событий, если деятельность государства заканчивается полным провалом.

Таким образом, глобализация единого образовательного пространства Содружества Независимых Государств есть внутривидовое звено единой мировой глобализации, функционирующей вне политического пространства.

В юридической литературе существует концепция о том, что Россия должна не только активно принять участие в процессе глобализации, но и возглавить его, считая, что Россия – это сильная страна, обладающая огромными возможностями во многих областях. Также предлагается России принять активное участие в процессе глобализации, уточняя при этом, что в этом процессе нет мировоззрения, он объективен, поэтому нельзя говорить о слиянии с западной культурной или же о возглавлении Россией процесса глобализации, можно говорить об интеграции во всемирный неидеологизированный объективный процесс, именуемый глобализацией. Рассматриваемый аспект проблемы глобализации образования не является традиционным, так как наличие множества отдельных стран не просто способствует увековечению массовой нищеты и глобального неравенства. Оно делает практически невозможным обеспечение общественных благ в глобальном масштабе.

Эти препятствия на пути к построению мира, в котором многие хотели бы жить, носят отнюдь не тривиальный характер. Их причиной являются глубокие противоречия между главными ценностями мира сегодняшнего.

Мы верим в самостоятельность и суверенитет, в демократию, а также – если не в глобальное равенство, то по крайней мере в необходимость борьбы с бедностью в глобальном масштабе. Однако богатые демократические государства всегда будут использовать основную часть своих образовательных ресурсов на решение проблем собственных граждан и защиту от покушений извне. Они будут жестко контролировать иммиграцию и скорее всего будут принимать протекционистские меры против импорта, если он негативно отразится на положении кого-то из их граждан. В свою очередь, бедному суверенному государству приходится в основном полагаться на собственные образовательные ресурсы. В худшем из вариантов некомпетентный, грабительский, даже палаческий режим безнаказанно угнетает собственный народ. В лучшем же случае такое государство будет в одиночку пытаться создать условия для повышения уровня жизни граждан.

Глобализация образования следовательно определяет роль и место образования в развитии личности, общества и государства. Поэтому оно на содержательном, структурном, организационном, методическом, кадровом и материально-техническом уровнях должно удовлетворять потребность граждан государств – участников СНГ в образовании на протяжении всей жизни, экономику – в квалифицированных кадрах, социальную сферу – в духовном, нравственном и интеллектуальном обеспечении. Поэтому Модельный образовательный кодекс для государств – участников СНГ должен содержать в себе механизмы установления партнерства между личностью и системой образования, государством и обществом, которым она служит. Он должен отражать решимость и волю государства

принять на себя полную ответственность за образование нации, придать сфере образования наивысший приоритет как стратегическому фактору жизнеобеспечения государства, благосостояния и развития общества.

Система образования должна обеспечить выполнение важнейшей социальной функции – согласования индивидуальных и общественных потребностей, то есть она является эффективным инструментом общественных и экономических преобразований в стране. Кроме того, необходимо принимать во внимание следующий факт: в мире произошло осознание того, что экономические успехи государств определяются их системами образования, образованностью граждан, подготовленностью рабочей силы на всех уровнях. Это привело к переоценке и пересмотру роли и места образования в обществе, государстве. Это осознание обусловлено тем, что наиболее эффективным фактором производства становится человеческий капитал, выраженный в знаниях, умении, творчестве и духовности людей.

Экономика любой страны в 21 веке – это экономика наращивания человеческого капитала, наибольший вклад в развитие которого вносит образование. В силу этого все шире и острее ставится вопрос о реальном обеспечении принципа равных возможностей молодых людей на базе знаний, таланта и способностей учиться в учебных заведениях, а не на основе способности платить за образовательные услуги или жить в крупных городах, то есть на основе социального географического факторов. Ставится вопрос и о бережном отношении к ценнейшему ресурсу нации – ее молодому поколению, так как оно в виде массы безработной и не имеющей квалификации молодежи может превратиться в реальную угрозу обществу, социаль-

ной целостности и демократии в государстве. Таким образом к образованию нужно относиться как к сфере занятости, а не отвлечения ресурсов, как сфере выгодных инвестиций, а не затратной сфере. Это значит, что в государствах – участниках СНГ необходимо наращивать образовательный потенциал и обеспечить всеобщее обучение нации.

Изложенное концептуально позволяет полагать о том, что единое образовательное пространство СНГ – это пространство, характеризующее общностью принципов государственной политики в сфере образования, согласованностью государственных образовательных стандартов, программ, уровней образования, нормативных сроков обучения на каждом уровне, положений и требований по подготовке и аттестации научных и научно-педагогических кадров, равными возможностями и свободной реализацией прав граждан на получение образования в государственном образовательном учреждении на территории государств – участников СНГ. Единое (общее) образовательное пространство государств – участников СНГ – это составная часть духовного, культурного пространства, базирующегося на исторической общности живущих в нем людей, и устремленная на реализацию их общих исторических целей.

Литература:

1. Зегберс К. Шансы и риск глобализации в России // Pro et contra. – М., - 1999. – Т. 4. – С. 57-67.
2. Ионин П. Прагматизм глобальной идеи. – М., - 2000.
3. WorldWideWar //2003...2004.
4. <http://www.utro.ru/> (20.06.2003)
5. См.: We need more globalization. By Martin Wolf. Published: May 9. 2004.

ЛИШЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРАВА КАК ВИД НАКАЗАНИЯ: ВОПРОСЫ УНИФИКАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ БЕЛАРУСИ, МОЛДОВЫ, РОССИИ, УКРАИНЫ И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ

А. ЛУКАШОВ,

кандидат юридических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь)

SUMMARY

The legislation and practice of using such kind of penalty as disfranchisement of the right to occupy the post or to do certain activities are analyzed.

Supplement the penalty system with a new kind of penalty in the form of disfranchisement of the special right (right to drive all means of transport, right to hunt), abusing which appears in committing a crime is offered. Norms that define the grounds and order of prescribing this kind of penalty are formulated (de lege ferenda of Belarus, Moldova and other). Other changes in Criminal code and other legislative statements are recommended.

* * *

Анализируются законодательство и практика применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в Беларуси и других государствах.

Исследуется опыт использования лишения специального права в законодательстве об административной ответственности и в уголовном законе.

Предлагаются меры по унификации в законодательстве различных государств норм, определяющих основания и порядок назначения наказания в виде лишения специального права.

Введение

Среди видов наказаний, предусмотренных в ст. 48 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) 1999 года, не упоминается лишение специального права, хотя такой вид наказания, правда, под другим названием, был известен белорусскому уголовному законодательству. Используется он в национальном законодательстве об административных правонарушениях и в законодательстве других государств.

Анализ практики применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в Беларуси и других государствах показывает, что имеются основания для того, чтобы лишение специального права ввести не только в белорусскую систему наказаний, но и в систему наказаний других государств. Имеются возможности и для унификации соответствующих норм в уголовном законе разных государств.

Основная часть

1. О судебной практике лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

В белорусской системе наказаний, построенной по принципу «от менее строгого к более строгому наказанию», лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью занимает третью

строчку после общественных работ и штрафа. В силу предписаний ст.ст. 48 и 51 УК этот вид наказания может назначаться судом с учетом характера и тяжести совершенного преступления на срок от 1 до 5 лет либо в качестве основного, либо в качестве дополнительного наказания.

Отличительная особенность лишения указанного права в том, что в качестве дополнительного его можно назначить и в случае, когда этот вид наказания не

предусмотрен в санкции статьи Особенной части УК, но по своему характеру совершенное осужденным преступление связано с занимаемой им должностью или с занятием им определенной деятельностью.

В условиях рыночной экономики рассматриваемый вид наказания может быть не только действенным средством достижения цели специального предупреждения преступлений, на что указывается в литературе [1, с. 123]. Он обладает достаточно существенным карательным потенциалом, поскольку в значительной степени и на продолжительное время ограничивает осужденного в праве на труд в определенной сфере деятельности, может привести к его дисквалификации, потере конкурентоспособности на рынке труда и иным негативным последствиям, о которых обоснованно говорят белорусские и российские ученые [2, с. 378, 379; 3, с. 357; 4, с. 29].

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью широко представлено в санкциях статей Особенной части белорусского УК. Так, по состоянию на 01.06.2009 данный

вид наказания предусмотрен в 124 статьях Особенной части УК (40, 2 % от числа всех статей Особенной части УК). В 84 статьях Особенной части УК этот вид наказания фигурирует в качестве основного наказания (27, 2 % от числа всех статей Особенной части УК), в 87 статьях (28, 2 % от числа всех статей Особенной части УК) – в качестве дополнительного наказания. Немалое

число из названных статей Особенной части УК содержит указание на возможность применение его и в качестве основного, и в качестве дополнительного наказания. К тому же, как отмечалось, при наличии определенных оснований суд может назначать этот вид наказания в качестве дополнительного и вне зависимости от указания о нем в санкции статьи Особенной части УК.

Однако указанные широкие возможности, которые уголовный закон предоставляет суду в части назначения данного вида наказания, в судебной практике реализуются более чем скромно. Данные судебной статистики говорят о том, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью назначается небольшому числу осужденных (см. таблицу).

Таблица

Назначение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в Республике Беларусь (2003-2008 гг.)*

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
1. Количество лиц, осужденных к основному наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (в скобках – удельный вес лиц, осужденных к данному наказанию, среди всех осужденных, в %)	396 (0, 6)	203 (0, 3)	193 (0, 2)	170 (0, 2)	231 (0, 3)	436 (0, 6)
2. Количество, осужденных к дополнительному наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью по всем статьям УК	902	1093	1164	1141	1169	1485
в том числе:						
по статьям 209 – 212 УК (соответственно мошенничество, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, присвоение, растрата и хищение путем использования компьютерной техники)	122	211	217	206	201	298
по статье 233 УК (незаконная предпринимательская деятельность)	25	46	50	53	57	104
по статье 243 УК (уклонение от уплаты сумм налогов, сборов)	17	23	25	25	31	12
по статье 317 УК (нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств)	515	464	552	546	543	638
по статье 317 ¹ УК (управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования))**	–	–	–	–	30	118
по статье 318 УК (выпуск в эксплуатацию технически неисправного транспортного средства либо незаконный допуск к управлению им)	11	10	8	10	10	6
итого по статьям 317, 317 ¹ и 318 УК (в скобках – удельный вес лиц, осужденных по данным статьям УК, среди всех осужденных к данному виду дополнительного наказания, в %):	526 (58, 3)	474 (43, 4)	560 (48, 1)	556 (48, 7)	583 (49, 8)	762 (51, 4)
по статьям 424 – 430 УК	174	258	278	257	265	209

* Данные о количестве осужденных в абсолютных цифрах приведены по источникам: [5 – 10], доли в процентах рассчитаны автором (примеч. авт.).

** Статья 317¹ введена в УК в 2006 году (примеч. авт.)

Приведенные данные свидетельствуют, что в 2003–2008 гг. лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как основной вид наказания ежегодно назначалось около 270 осужденным или 0,36 % от числа всех лиц, осужденных судами республики. В среднем почти в 6 раз больше этот вид наказания назначается в качестве дополнительного. В последние три года наметилась тенденция к увеличению количества лиц, осуждаемых к данному виду дополнительного наказания. В 2008 г. их число приблизилось к полутора тысячам человек. При этом около половины дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью приходится на лиц, осужденных за так называемые транспортные преступления, предусмотренные ст. 317, 317¹ и 318 УК. Примерно половина лиц, осужденных по ст. 317 УК, совершили это преступление в состоянии алкогольного (наркотического или токсического) опьянения (например, в 2007 г. из 1 891 лица, осужденного по этой статье УК, 43,4 % совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения, а 0,5 % – в состоянии наркотического и токсического опьянения, в 2008 г. из 1677 лиц, осужденных по ст. 317 УК, соответственно 35,0 и 0,4 % [11, 12] [1]).

2. О потенциальных возможностях наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

В зависимости от правового положения осужденного и характера совершенного им преступления назначение и исполнение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может быть представлено в виде четырех вариантов, регулируемых нормами уголовного и иных отраслей законодательства.

ВАРИАНТ ПЕРВЫЙ. Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью назначается осужденному, который на день вынесения приговора работал у нанимателя в определенной должности (был избран на определенную должность) или занимался у него определенным видом деятельности в порядке выполнения трудового договора.

В данном случае осужденный является работником у нанимателя (лицом, избранным на должность). Запрет, установленный судом в рамках названного вида наказания, является запретом, реализуемым в сфере трудовых отношений (отношений, возникающих в связи с избранием на должность) (далее – трудовых отношений).

В связи с осуждением наниматель или те, кто избрал лицо на должность, обязаны освободить осужденного от должности или от занятия видом деятельности, указанных в приговоре суда. К этому их обязывают ст. 51 УК, нормы гл. 6 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) и п. 5 ст. 44 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК), предусматривающие обязанность нанимателя уволить работника в связи со вступлением в законную силу приговора суда, которым работник осужден к наказанию, исключающему продолжение работы.

Обвиняемый в целях выполнения предписаний обвинительного приговора обязан поставить перед нанимателем или избравшими его на должность вопрос о переводе его на другую должность, либо об освобождении от должности, либо о переводе его на другую работу, либо об увольнении с работы. По требованию уголовно-исполнительной инспекции он обязан предоставлять документы, связанные с отбыванием указанного наказания, сообщать в уголовно-исполнительную инспекцию об изменении места работы или об увольнении с работы (см. ст. 35 УИК).

ВАРИАНТ ВТОРОЙ. Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью назначается осужденному, который на день вынесения приговора не работал у нанимателя в определенной должности (не занимал выборной должности) и не занимался у него в порядке выполнения трудового договора определенным видом деятельности. В этом случае данный вид наказания назначается ввиду того, что совершенное лицом преступление было связано с занимаемой им в тот момент определенной должностью или с осуществлением им определенного вида деятельности.

В приведенной ситуации обязанность по выполнению приговора суда возлагается на осужденного. Он должен выполнять предписания приговора, не нанимаясь на работу на должность, запрещенную ему, либо не давая согласия на избрание его на запрещенную ему выборную должность, либо не осуществляя деятельность, также запрещенную ему. По требованию уголовно-исполнительной инспекции он обязан предоставлять документы, связанные с отбыванием указанного наказания, сообщать в уголовно-исполнительную инспекцию о поступлении на работу, изменении места работы или об увольнении с работы (см. ст. 35 УИК).

С другой стороны, в соответствии с ч. 4 ст. 348 ТК и наниматель, к которому обратится лицо, осужденное к данному виду наказания, обязывается не допускать приема его на работу по совместительству на те должности или виды деятельности, которые этому лицу запрещены приговором суда.

ВАРИАНТ ТРЕТИЙ. Рассматриваемый вид наказания назначается осужденному, который на день вынесения приговора осуществлял определенную вид (виды) деятельности, непосредственно связанный с совершенным им преступлением.

В этом случае деятельность

осужденного, запрещенная ему по приговору суда, находится вне рамок трудовых отношений. Вид (виды) деятельности, которым занимался осужденный, не регулируется трудовым законодательством. Такие виды деятельности регламентируются нормами иных отраслей законодательства.

Например, к их числу могут быть отнесены различные виды экономической деятельности, предусмотренные в законодательстве республики, и, в частности, в общереспубликанском классификаторе Республики Беларусь ОКРБ 005-2006 «Виды экономической деятельности», утвержденном постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 28.12.2006 № 65 «Об утверждении, введении в действие, изменении и отмене технических нормативных актов в области технического нормирования и стандартизации и общегосударственного классификатора Республики Беларусь». Согласно этому документу под видом деятельности понимается процесс, в котором материальные ресурсы, оборудование, труд, технология сочетаются таким образом, что это приводит к получению однородного набора продукции (товаров или услуг). При этом не имеет значения, в какой сфере осуществляется эта деятельность (материальная, связанная с производством товаров, работ, или нематериальная, связанная с производством услуг).

Как представляется, **деятельность лица как система взаимосвязанных действий должна иметь место в определенной сфере экономической или иной деятельности**, связанной с выполнением работ, производством товаров, оказанием услуг как на коммерческой, так и на безвозмездной основе, **должна носить относительно постоянный характер** на момент совершения преступления, а совершенное преступление **должно находиться в непосредственной связи с деятельностью**, запрет на которую будет устанавливаться судом.

Только при таких обстоятельствах суд вправе назначить осужденному наказание в виде запрещения заниматься определенной деятельностью.

Подчас занятие тем или иным видом деятельности может быть сопряжено с предварительным получением соответствующего специального разрешения (лицензии). К примеру, получение такого специального разрешения (лицензии) обязательно в случае занятия лицом одним из видов деятельности, предусмотренных в Перечне видов деятельности, на осуществление которых требуются специальные разрешения (лицензии), и уполномоченных на их выдачу государственных органов и государственных организаций, утвержденном Декретом Президента Республики Беларусь от 14.07.2003 № 17 «О лицензировании отдельных видов деятельности».

Возможно также осуществление определенного вида деятельности, не требующего наличия специального разрешения (лицензии), но обусловленного выполнением лицом определенных обязанностей. Например, деятельность физических лиц, постоянно проживающих в сельской местности, малых городских поселениях, ведущих личное подсобное хозяйство, по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма не признается предпринимательской и не требует прохождения государственной регистрации и получения специального разрешения (лицензии). Однако до ее начала эти лица обязаны уплатить соответствующий сбор, письменно проинформировать соответствующий Совет депутатов первичного территориального уровня о намерении осуществлять такую деятельность, а также подать в налоговый орган по месту жительства заявление о постановке на учет с представлением документа, подтверждающего уплату сбора (см. Указ Президента Республики Беларусь от 02.06.2006 № 372 «О мерах по развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь»).

Если вид деятельности, занятие которым запрещено осужденному по приговору суда, относится к числу требующих специального разрешения (лицензии), то в соответствии со ст. 33 УИК орган, выдавший такое специальное разрешение (лицензию), обязан аннулировать его, изъять соответствующий документ, предоставляющий осужденному право заниматься указанной деятельностью, и направить сообщение об этом в уголовно-исполнительную инспекцию.

В подобной ситуации наказание в виде лишения права заниматься определенным видом деятельности порождает обязанности как для осужденного (прекратить соответствующий вид деятельности), так и для государственного органа, выдавшего осужденному соответствующее разрешение (лицензию): он обязан аннулировать его, уведомив об этом уголовно-исполнительную инспекцию.

Если такое разрешение (лицензия) не требуется, то обязанность по выполнению приговора суда в части запрета на занятие определенным видом деятельности возлагается только на осужденного. Он обязан выполнять предписания приговора, заключающиеся в запрете заниматься определенным видом деятельности (см. ст. 35 УИК).

ВАРИАНТ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Анализируемый вид наказания назначается осужденному, который на день вынесения приговора не осуществлял определенный вид (виды) деятельности, непосредственно связанный с совершенным им преступлением. Лишение судом осужденного права заниматься определенной деятельностью применительно к данной ситуации обусловлено тем, что на момент совершения преступления он таким видом (видами) деятельности занимался. В этом случае обязанность по выполнению приговора суда в части запрета на занятие определенным видом деятельности возлагается только на осужденного. Он обязан бездействовать, не

осуществлять запрещенный ему виды (виды) деятельности.

В связи с изложенным возникает вопрос об обоснованности применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью к лицу, управлявшему транспортным средством, не в связи с занимаемой им должностью или не в связи с осуществлением им деятельности, связанной с управлением транспортным средством.

3. О лишении права заниматься управлением транспортными средствами как видом деятельности

Указанному вопросу уделено внимание Пленум Верховного Суда Республики Беларусь. В октябре 2008 г., обсудив практику рассмотрения судами дел о преступных нарушениях правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь сформулировал следующее правило назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью за совершение этих преступлений: «лишение права заниматься таким видом деятельности, как управление транспортными средствами, не исключается и в отношении лиц, которые на момент совершения дорожно-транспортного происшествия осуществляли управление механическим транспортным средством при отсутствии водительского удостоверения, выдаваемого в установленном порядке» [14, п. 19]. По данному вопросу такую же позицию занял Пленум Верховного Суда Российской Федерации, высказав ее в п. 12 постановления от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [15]. Прямо противоположный подход закреплен в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Украины

от 23.12.2005 № 14 «О практике применения судами Украины законодательства по делам о преступных деяниях против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, а также об административных правонарушениях на транспорте». Верховный Суд Украины указал, что лишение права управлять транспортным средством «не может быть назначено лицу, не имеющему права управлять транспортными средствами» [16].

Приведенное толкование уголовного закона высшим судебным органом системы общих судов Республики Беларусь, которому придан статус нормы права [2], и, в отличие от белорусского государства, носящий в Российской Федерации рекомендательный характер, порождает ряд вопросов, имеющих отношение как к названному виду наказаний, так и к системе наказаний, закрепленных в уголовном законе. Попытаемся ответить на них.

Если лицо совершило преступление, предусмотренное ст. 317, 317¹ и 318 УК, во время выполнения обязанности водителя транспортного средства (как работник транспортной или иной организации или индивидуального предпринимателя), то оно не относится к категории лиц, работа которого связана с занятием должности. Согласно абз. 11 ст. 1 ТК **должность** – это служебное положение работника, обусловленное кругом его обязанностей, должностными правами и характером ответственности. Иными словами, это понятие («должность») используется не для такой категории работников как «рабочий», к которым относится и водитель транспортного средства. К работникам, занимающим должность, могут быть причислены лишь лица, входящие, как правило, в число руководителей, специалистов и служащих [18, пп. 10.3 п. 10].

Говоря иначе, работник, относящийся к категории «рабочих» (водитель, тракторист, комбайнер и пр.), не занимающий должность, на наш взгляд, не может

быть субъектом применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью посредством **лишения права занимать определенные должности**. Равным образом нельзя применять этот вид наказания к лицу, управлявшему транспортным средством в качестве частного лица. В этом случае он также не занимает должность, ибо вообще не находится в системе трудовых отношений «работник – наниматель» или отношений, связанных с избранием на должность.

Полагаем, что водитель транспортного средства, выполнявший функции рабочего по трудовому договору, совершивший преступление, предусмотренное ст. 317, 317¹ и 318 УК, может быть подвергнут наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью посредством **лишения права заниматься определенной деятельностью**. В этом и других подобных случаях (например, при сдаче транспортного средства в аренду вместе с экипажем в соответствии со ст. 603–606 Гражданского кодекса Республики Беларусь), когда управление транспортным средством осуществляется водителем как профессиональная деятельность, назначение ему данного вида наказания соответствует предписаниям ст. 51 УК. Аналогично следует поступать и в тех случаях, когда физическое лицо осуществляет предпринимательскую деятельность по перевозке грузов и (или) пассажиров в качестве индивидуального предпринимателя, вне рамок трудовых отношений.

Напротив, лицо, управляющее транспортным средством как частное лицо, использующее транспортное средство для осуществления поездок, выполняемых не в качестве профессиональной и иной деятельности (поездки на работу и с работы, в магазин, в гости и пр.), полагаем, не может быть подвергнуто наказанию в виде лишения права за-

ниматься определенной деятельностью. Управление транспортным средством – конечно, вид человеческой деятельности [13, с. 13], однако в ст. 51 УК речь идет о запрете обвиняемому заниматься деятельностью как системе действий в указанном выше значении, а не о запрете совершения отдельных действий.

Но как же тогда ограничить право лица на управление транспортным средством, если известно, что оно, например, совершило преступление, предусмотренное ст. 317¹ УК, поскольку пользуется автомобилем только раз в неделю, когда выезжает за город на дачу, и практически всегда возвращается обратно, находясь за рулем в состоянии алкогольного опьянения?

4. О необходимости введения лишения специального права в систему наказаний

Увы, нынешний арсенал видов наказания, предусмотренных ст. 48 УК, не позволяет решить вышеуказанную проблему правовым путем, свойственным правовым государствам.

Представляется, что применение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в указанном и иных подобных случаях, есть ничто иное, как нарушение запрета на применение уголовной ответственности по аналогии, есть отступление от принципа строгого толкования закона (см. ч. 2 ст. 3 УК, ч. 3 ст. 72 Закона Республики Беларусь от 10.01.2000 № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»). И уж тем более вызывает сомнение правомерность вышеприведенной нормы Верховного Суда Республики Беларусь назначать анализируемый вид наказания лицу, не имеющему права на управление транспортным средством, и, как следствие, не имеющему права на осуществление соответствующего вида деятельности, сопряженного с управлением транспортным средством. Подобный подход к

решению данного вопроса несколькими месяцами ранее был обнародован в одном из белорусских юридических журналов [19, с. 34, 37].

Решение рассматриваемой проблемы видится в дополнении перечня видов наказаний новым видом наказания, который следует назвать «**лишение специального права**».

Таким специальным правом является право управления транспортным средством лицом, участвующим в дорожном движении, предоставляемое физическим лицам, достигшим определенного возраста, удовлетворяющим определенным требованиям по состоянию здоровья, сдавшим квалификационные экзамены и получившим водительское удостоверение – документ, подтверждающий право управления механическим транспортным средством или самоходной машиной соответствующей категории (см. ст. 5, 23, 25, 32 Закона Республики Беларусь от 05.01.2008 № 313-З «О дорожном движении», Положение о порядке приема квалификационных экзаменов на получение права управления механическими транспортными средствами (за исключением колесного трактора), утвержденное постановлением МВД Республики Беларусь от 30.12.2002 № 297). Лица, управляющие транспортными средствами, участвующими в движении железнодорожного, воздушного и водного транспорта, как правило, должны иметь специальное право на их управление, выдаваемое им после прохождения соответствующей подготовки и по результатам специального экзамена (см., например, гл. 5 Авиационных правил выдачи свидетельств и классификации авиационного персонала гражданской авиации Республики Беларусь, утвержденных постановлением Государственного комитета по авиации Республики Беларусь от 02.03.2004 № 2).

Если у лица имеется такое специальное право, то неважно, работает ли оно или ведет праздный образ жизни, а если работа-

ет, то не имеет значения, каков характер работы, связана ли она с этим правом. Важно, что такое право имеется. А совершенное им преступление указывает на то, что лицо этим правом злоупотребило. При таких обстоятельствах имеются основания для лишения такого права по приговору суда.

Если специальное право не получено (ситуация, о которой говорится в приведенных выше разъяснениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь и Пленума Верховного Суда Российской Федерации), то при наличии соответствующих оснований лицо можно **ограничить в праве на его получение** на определенный срок, предусмотрев эти ограничения как составную часть наказания в виде лишения специального права.

Отметим, что такая мера уголовно-правового воздействия как лишение специального права была известна белорусскому уголовному праву советского периода (см., например, ст. 206 и 206¹ УК Республики Беларусь 1960 г.). Правда, термин «лишение специального права» не использовался в уголовном законе. Об указанной мере уголовно-правового воздействия не упоминалось в Общей части УК. Ее не было в системе наказаний (см. ст. 21 УК 1960 г.). В изъятие из общего правила эта мера уголовно-правового воздействия предусматривалась в Особой части УК в качестве «лишения права управлять транспортными средствами» (ст. 206 УК 1960 г.), «лишения водителя права управления транспортными средствами» (ст. 206¹ УК 1960 г.).

О лишении права управлять транспортными средствами в ст. 206 УК 1960 г. говорилось как об **избираемой по усмотрению суда** дополнительной мере к наказанию в виде штрафа, исправительных работ или лишения свободы, а в ст. 206¹ УК 1960 г. – как об **обязательной дополнительной** мере к тем же видам наказания. Она была срочной, но без указания нижней границы. Максимальный срок не должен был

превышать 5 лет. В ч. 2 ст. 206¹ УК 1960 г. лишение права управлять транспортными средствами представлено в виде абсолютно определенной санкции («сроком на пять лет»).

Отмечу, что такой же подход сохранился в УК России 1996 г., санкция ст. 264 которого предусматривает применение лишения права управлять транспортным средством, без указания в Общей части относительно правовой природы этой меры государственного принуждения [20].

По этому же пути пошла Молдова. В санкциях ст. ст. 264 и 264¹ УК Молдовы 2001 г. предусмотрены лишение права управления транспортными средствами как **дополнительная не обязательная** мера уголовно-правового воздействия в случае нарушения правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств лицом, управляющим транспортным средством, повлекшего по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью человека, либо как **дополнительная обязательная** мера уголовно-правового воздействия за указанное нарушение, повлекшее более тяжкие последствия (с ужесточением санкции в случае совершения такого нарушения в состоянии опьянения) (ст. 264 УК), или за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии сильного алкогольного опьянения или в состоянии опьянения, вызванного наркотическими, психотропными и (или) другими веществами, вызывающими опьянение (ст. 264¹ УК) [21]. Как и в УК России, в Общей части УК Молдовы мы не найдем упоминания о лишении права управления транспортными средствами в разделе, посвященном наказанию. Юридическая природа этой меры уголовно-правового воздействия не определена.

Аналогично решает указанную проблему лишения права управления транспортными средствами и украинский законодатель. В ст. 286 УК Украины 2001 г. за нарушение правил безопас-

ности движения или эксплуатации транспорта, повлекшего причинение вреда здоровью (как минимум телесное повреждение средней тяжести) или жизни потерпевшего, предусматривается в качестве дополнительной меры уголовно-правового воздействия лишение права управления транспортными средствами. Только за указанное нарушение, повлекшее смерть нескольких лиц, лишение права управления является **обязательной дополнительной** мерой уголовно-правового воздействия, в иных случаях она избирается **по усмотрению суда** [22]. В Общей части УК Украины о лишении права управления транспортными средствами нет какого-либо упоминания. Между тем Пленум Верховного Суда Украины рассматривает эту меру уголовно-правового воздействия как составную часть наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, именуется ее наказанием [16].

Таким образом, в период действия УК Республики Беларусь 1960 г., равно как и уголовных кодексов иных республик, входивших в состав СССР, в уголовном законе правовой статус рассматриваемой меры уголовно-правового воздействия не был определен, хотя многие суды нередко именовали ее «дополнительной мерой наказания», «дополнительным наказанием в виде лишения права управлять транспортными средствами», не связывая ее никоим образом с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [23, с. 104]. Напротив, в литературе [24, с. 71; 25, с. 290] и разъяснениях некоторых судебных инстанций (см. выше, например, позицию Пленума Верховного Суда Украины) ее применение приводилось в качестве примера реализации наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, что едва ли соответствовало подходу законодателя к решению данного вопроса.

Если бы законодатель рассматривал лишение права управлять транспортным средством в качестве вида лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, он бы не вводил в санкции статей Особенной части УК меры, не предусмотренные в Общей части УК. Представляется, что, предусмотрев лишение права управлять транспортным средством как дополнительную к основным видам наказания меру уголовно-правового воздействия, законодатель дал ясно понять, что не причисляет ее к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Небезынтересно в этой связи отметить, что в вышеназванном постановлении Пленум Верховного Суда Российской Федерации, также как и Пленум Верховного Суда Украины в постановлении от 24.10.2003 № 7 «О практике назначения судами уголовного наказания» [26, п. 17], именуется ее дополнительным наказанием, хотя ст. 44 УК России и ст. 51 УК Украины не дают оснований для такого утверждения.

До 1 января 2001 г. (дня введения в действие УК 1999 года) в белорусском уголовном законе лишение специального права предусматривалось, но правовой статус этой меры уголовно-правового воздействия не был определен должным образом. Область применения лишения специального права была ограничена только правом на управление транспортным средством, что не позволяло суду применять лишение специального права более широко, и по другим уголовным делам (о незаконной охоте и др.).

5. Об историческом аспекте проблемы и законодательном опыте применения лишения специального права

В советское время попытки судов применять лишение права на охоту как лишение специального права, в качестве самостоятельного наказания пресекались вышестоящими судами. Напри-

мер, Верховный Суд СССР по одному из уголовных дел о незаконной охоте обоснованно признал незаконным назначение виновным дополнительного наказания в виде лишения права на охоту. В то же время он пошел по пути применения аналогии закона: придал лишению специального права (права на охоту) статус лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [23, с. 109]. Хотя уголовный закон, судебная практика и доктрина уголовного права исходили из недопустимости аналогии закона в сфере действия уголовного права [27, с. 158 – 159], высшие судебные органы СССР и союзных республик подчас шли на применение аналогии уголовного закона в случае его пробельности под видом судебного толкования, которое, по сути, являлось принятием на себя функций законодателя [28, с. 64].

В настоящее время наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не позволяет решить в полном объеме проблему лишения осужденного специального права, злоупотребление которым проявляется в совершенном им преступлении.

Отсутствие в перечне видов наказания лишения специального права не дает возможности суду лишить права на охоту лицо, осужденное по ст. 282 УК за незаконную охоту.

Право на охоту также является специальным правом, поскольку предоставляется дееспособным физическим лицам, достигшим определенного возраста, сдавшим специальный охотничий экзамен и получившим государственное удостоверение на право охоты (см. п. 145, 147 Правил ведения охотничьего хозяйства и охоты, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 08.12.2005 № 580). Также как и право управления транспортным средством, право на охоту является срочным (10 лет). Среди оснований к прекращению этого права,

перечисленных в п. 180 Правил ведения охотничьего хозяйства и охоты, не предусмотрено такое основание как совершение незаконной охоты, за которую лицо привлечено к административной или уголовной ответственности. К осужденным (частным лицам) по ст. 282 УК суды не применяют и дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [5 – 10], полагая, отдавая отчет в том, что подобное решение, направленное на лишение осужденного права на охоту, было бы натяжкой, отступлением от принципа строгого толкования уголовного закона.

Надлежит отметить, что такой вид административного взыскания как «лишение специального права» давно известен законодательству об административных правонарушениях. Так, в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) от 06.12.1984 № 4048-ХП этот вид взыскания находился в системе административных взысканий. Он выражался в лишении двух специальных прав: права управления транспортными средствами и права охоты (см. ст. 23, 24 и 29 названного кодекса).

В КоАП от 21.04.2003 № 194-3, введенного в действие с 01.03.2007, лишение специального права сохранилось в системе административных взысканий. Упоминается только об одной его разновидности (лишении права управления транспортными средствами). Другие его разновидности могут применяться в зависимости от того, предусмотрено ли такое право в законодательстве (см. ст. 6.2, 6.3 и 6.8 КоАП от 21.04.2003 № 194-3). Анализ статей Особенной части этого кодекса показывает, что данный вид административного взыскания может применяться как в отношении лиц, имеющих право управления транспортными средствами, так и в отношении лиц, имеющих право на охоту.

Характерно, что КоАП от 21.04.2003 № 194-3 наряду с ад-

министративным взысканием в виде лишения специального права предусматривает и административное взыскание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью. Иными словами, в белорусском законодательстве об административных правонарушениях давно решена проблема использования лишения правонарушителя специального права путем его узаконения в качестве самостоятельного вида административного взыскания (и основного, и дополнительного).

С другой стороны, законодательство об административных правонарушениях использовало и наработки уголовного закона, расширив спектр административных взысканий за счет такого вида административного взыскания как лишение права занимать определенную деятельностью (и основного, и дополнительного). Применение этого вида административного взыскания обусловлено характером совершенного лицом административного правонарушения, связанного с осуществлением правонарушителем лишь видов деятельности, на осуществление которых требуется специальное разрешение (лицензия), если будет признано невозможным сохранение за физическим или юридическим лицом права заниматься такими видами деятельности (см. ст. 6.2, 6.3 и 6.9 КоАП от 21.04.2003 № 194-3).

Лишение специального права предусмотрено в качестве вида административного взыскания и в других постсоветских государствах. Так, например, указание об этом виде административного взыскания, основаниях и условиях его применения можно найти в ст. 24 и 30 Общей части КоАП Украины [29], ст. 3.2 и 3.8 Общей части КоАП России [30].

В уголовном законодательстве многих государств предусмотрено лишение осужденного специального права. Хотя решается данный вопрос по-разному.

К примеру, в латвийском уголовном законе лишение специального права является составной частью наказания в виде ограни-

чения прав, которое выражается, в частности, в лишении права на «получение разрешений или прав, предусмотренных специальным законом» [31, с. 79].

В УК Азербайджана в систему наказаний включены в качестве самостоятельных видов наказания и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, и лишение права управлять транспортным средством (см. ст. 42, 45) [32].

Во французском УК выделяются следующие виды лишения специального права: лишение водительских прав, запрещение управлять некоторыми видами транспортных средств, аннулирование водительских прав, запрещение хранения или ношения оружия, на которое требуется разрешение, изъятие разрешения на охоту с запрещением ходатайствовать о выдаче нового разрешения [33, с. 85 и след.].

Уголовный кодекс Польши предусматривает, что суд может на определенный срок запретить осужденному управлять средством передвижения определенного вида, либо может запретить управлять любыми средствами передвижения навсегда, если лицо в момент совершения преступления против безопасности движения, создает угрозу безопасности движения, либо может запретить осужденному управлять любыми механическими средствами передвижения или механическими средствами передвижения определенного вида, либо может запретить управлять любыми средствами передвижения навсегда, если лицо в момент совершения преступления против безопасности движения находилось в состоянии опьянения, под воздействием одурманивающего средства или скрылось с места происшествия [34, с. 63 – 64].

Германский законодатель включил лишение водительских прав в число мер исправления и безопасности. Основанием для их применения является управление транспортным средством в состоянии опьянения как само по себе, так и в связи с противоправ-

ным деянием, а также незаконное оставление места дорожно-транспортного происшествия при обстоятельствах, когда это лицо знало или должно было знать, что при этом погиб или получил существенные повреждения человек, или причинен значительный ущерб чужим вещам. Лишение водительских прав может быть срочным (до 5 лет), а также может быть установлено навсегда, если можно ожидать, что установленный максимальный срок недостаточен для устранения исходящей от лица опасности [35, с. 45–47].

Представляется, что зарекомендовавшие себя наработки в уголовном законодательстве различных государств, относящихся к системе континентального права, в части лишения специального права могут быть с пользой реализованы при введении названного вида наказания в систему наказаний государств, в которых он не легализован. В государствах, в системах наказаний которых предусмотрено лишение специального права, опыт других государств может быть использован для совершенствования соответствующих норм уголовного и иных отраслей законодательства.

6. Предложения законодателю

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующие *de lege ferenda* (предложения законодателю).

1. Отсутствие принципиальных различий в оценке необходимости применения лишения специального права позволяет ставить вопрос об унифицированном подходе к включению этого вида наказания в систему наказаний.

В тех государствах, где статус этого вида уголовно-правового воздействия не определен (Молдова и др.) либо сводится лишь к лишению права на управление транспортными средствами (Азербайджан и др.), необходимо соответственно пополнить систему наказаний наказанием в виде лишения специального права

либо расширить сферу его применения с тем, чтобы им охватывалось лишение осужденного различных видов специальных прав (право на управление различными видами транспортных средств, право на охоту и др.).

2. В целях реализации требований системного и комплексного регулирования уголовно-правовых отношений, возникающих в связи с введением (расширением сферы действия) наказания в виде лишения специального права, представляется необходимым [3]:

2.1) дополнить статью, в которой изложена система наказаний, структурным элементом, содержащим указание на наказание в виде лишения специального права и его статус как основного и (или) дополнительного наказания;

2.2) дополнить уголовный закон статьей следующего содержания [4]:

«Статья ... Лишение специального права

1. Лишение специального права заключается в запрете осужденному в течение срока, назначенного по приговору суда:

1) пользоваться правом, предоставленным ему в установленном порядке в соответствии с законодательством;

2) получить такое право.

2. Лишение специального права, предоставленного физическому лицу, применяется за нарушение порядка пользования этим правом, если, исходя из характера совершенного лицом преступления, связанного с нарушением специального права, суд признает невозможным сохранение за ним этого права.

3. Лицу, которому специальное право не предоставлено, наказание в виде лишения специального права назначается, если оно совершило в качестве исполнителя преступление, выражающееся с объективной стороны в выполнении действий, обусловленных наличием специального права, в связи с чем суд признает невозможным получение им такого права.

4. Лишение специального права устанавливается на срок от одного года до пяти лет в случаях, установленных настоящим Кодексом.

5. Лицу, совершившему преступление в несовершеннолетнем возрасте, лишение специального права назначается на срок от одного года до трех лет.

6. Лицо, совершившее преступление, повлекшее смерть или причинение тяжкого телесного повреждения в результате управления им транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения или состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ, либо в нарушение установленных правил скрылось с места совершения такого преступления, может быть лишено судом специального права на срок от пяти до двадцати пяти лет или пожизненно.

7. Лишение специального права применяется и в отношении лиц, получивших его в иностранном государстве.

8. Лишение права управления транспортным средством не может назначаться лицу, которое пользуется этим средством в связи с инвалидностью, за исключением случаев управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения или состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ, либо отказа от прохождения в установленном порядке проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния алкогольного опьянения или состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ, либо оставления в нарушение установленных правил места совершения преступления.

9. При назначении наказания в виде лишения специального права в качестве основного наказания, дополнительного наказания к общественным работам,

штрафу, исправительным работам, ограничению по военной службе, при отсрочке исполнения наказания и условном неприменении наказания, если исполнение дополнительного наказания не отсрочено, срок исполнения наказания в виде лишения специального права исчисляется со дня вступления приговора суда в законную силу. При назначении этого наказания в качестве дополнительного к аресту, ограничению свободы, направлению в дисциплинарную воинскую часть или лишению свободы оно распространяется на все время отбывания осужденным основного наказания и сверх того – на срок, установленный приговором.

Примечание: под транспортным средством в настоящей статье понимается транспортное средство, указанное в примечании к статье ... настоящего Кодекса, а также иные транспортные средства, управление которыми осуществляется лицом во время совершения преступлений, предусмотренных статьями ... настоящего Кодекса»;

2.3) дополнить санкции соответствующих статей Особенной части УК указанием на лишение специального права.

3. В Уголовных кодексах тех государств, в которых неисполнение приговора суда признается самостоятельным видом преступления (Беларусь и др.), ввести в эти кодексы статью следующего содержания:

«Статья ... Неисполнение приговора суда о лишении специального права.

Умышленное неисполнение осужденным вступившего в законную силу приговора суда о лишении его специального права – наказывается штрафом или арестом на срок до шести месяцев со штрафом.».

4. Установление уголовной ответственности за неисполнение приговора суда о лишении специального права обязывает законодателя к определению подследственности уголовных дел о таких преступлениях, что обусловливает необходимость внесе-

ния соответствующих дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс.

5. Введение нового вида наказания потребует также дополнения Уголовно-исполнительного кодекса главой об исполнении наказания в виде лишения специального права, в которой надлежит предусмотреть порядок исполнения данного вида наказания, в том числе в отношении лиц, получивших это право в иностранных государствах.

6. Новый вид наказания, вводящий ограничения на получение или пользование специальным правом, должен найти соответствующее отражение в нормах иных законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы предоставления и лишения специального права с учетом приговора суда о лишении специального права.

7. Введение в уголовный закон указанных новелл потребует внесения определенных корректив и в нормы законодательства об административных правонарушениях, регламентирующие применение административного взыскания в виде лишения специального права.

8. С учетом предписаний пакетного принципа формирования законодательства [36] все предлагаемые новеллы в различные законодательные акты должны найти отражение в одном законопроекте.

Заключение

Наличие в системе наказаний такого вида наказания как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не позволяет решить в полном объеме проблему лишения осужденного специального права (права управления транспортным средством, используемым в дорожном движении, на железнодорожном, воздушном или водном транспорте, права на охоту и др.), злоупотребление которым проявляется в совершенном лицом преступлении.

Опыт противодействия злоупотреблению специальным правом, накопленный различными государствами, делает актуальным дополнение системы наказаний, предусмотренной уголовным законом, новым наказанием в виде лишения специального права.

Приведенные выше новеллы, реализующие указанное предложение, направлены на унификацию законодательства различных государств и точное осуществление принципа строгого толкования уголовного закона. Предложения законодателю исходят из пакетного принципа его формирования, позволяют решить рассматриваемую проблему комплексно и системно, призваны способствовать повышению эффективности уголовной ответственности за общественно опасное злоупотребление специальным правом.

Литература:

1. Яценко, С.С. Комментарий к статье 55 / С.С.Яценко // Уголовный кодекс Украины. Научно-практический комментарий. – 3-е изд., исправл. и доп. / Отв. ред. С.С.Яценко. – К: А. С. К., 2003.
2. Саркисова, Э.А. Уголовное право: Общая часть: учеб. пособие / Э.А.Саркисова. – Мн.: Тесей, 2005.
3. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В двух томах. Т. 1. Общая часть. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юридическая литература, 2004.
4. Дворецкий, М.Ю. Эффективная реализация постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 года № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» в оптимизации применения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью / М.Ю.Дворецкий // Военно-юридический журнал. – 2008. – № 3.
5. Сведения о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания за 2003 год: Форма 10, части 1 и 3. – Мн.: Министерство юстиции Республики Беларусь, 2004.
6. Сведения о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания за 2004 год: Форма 10, части 1 и 3). – Мн.: Министерство юстиции Республики Беларусь, 2005.
7. Сведения о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания за 2005 год: Форма 10, части 1 и 3). – Мн.: Министерство юстиции Республики Беларусь, 2006.
8. Сведения о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания за 2006 год: Форма 10, части 1 и 3). – Мн.: Министерство юстиции Республики Беларусь, 2007.
9. Сведения о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания за 2007 год: Форма 10, части 1 и 3). – Мн.: Министерство юстиции Республики Беларусь, 2008.
10. Сведения о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания за 2008 год: Форма 10, части 1 и 3). – Мн.: Министерство юстиции Республики Беларусь, 2009.
11. Сведения о составе осужденных, месте и времени совершения преступлений за 2007 год: Форма 11, часть 1. – Мн.: Министерство юстиции Республики Беларусь, 2008.
12. Сведения о составе осужденных, месте и времени совершения преступлений за 2008 год: Форма 11, часть 1. – Мн.: Министерство юстиции Республики Беларусь, 2009.
13. Калинкович, В. Отдельные вопросы судебной практики по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (ст.ст. 317 – 318, 321 УК) / В.Калинкович, Л.Дулько // Судовы веснік. – 2008. – № 4.
14. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (ст.ст. 317 – 318, 321 УК): Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 01.10.2008 № 7 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2008. – № 249. – 6/710.
15. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 // Российская газета. – 2008. – № 265.
16. О практике применения судами Украины законодательства по делам о преступных деяниях против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, а также об административных правонарушениях на транспорте: постановление Пленума Верховного Суда Украины от 23.12.2005 № 14 // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.scourt.gov.ua/clients/vs.nsf/0/5FFD45F1AD236680882571090062EBFF?OpenDocument&CollapseView&RestrictToCategory=5FFD45F1AD236680882571090062EBFF&Count=500&>. Дата доступа: 03.06.2009.
17. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2000. – № 7. – 2/136
18. Постатейный комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь: Для профессионалов в 40 выпусках. Вып. 1 / Кривой В.И. и др. // Электронная база нормативных правовых актов «КонсультантПлюс: Беларусь». Технология 3000 [Электронный ресурс]. – Мн.: ООО «ЮрСпектр», 2007.
19. Сахарчук, А. Проблемные аспекты законодательной характеристики субъекта преступления в ст. 317¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь / А.Сахарчук // Юстиция Беларуси. – 2008. – № 7.
20. Уголовный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 01.04.2009) // Электронная база нормативных правовых актов «КонсультантПлюс: Российская Федерация». Технология 3000 [Электронный ресурс]. – Мн.: ООО «ЮрСпектр», 2009.
21. Уголовный кодекс Республики Молдова // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=286230&lang=2>. Дата доступа: 05.06.2009.
22. Уголовный кодекс Украины // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?user=a&find=1&typ=21>. Дата доступа: 05.06.2009.
23. Практика прокурорского надзора при рассмотрении судами уголовных дел: Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1987.
24. Шкурко, В.А. О наказании / В.А.Шкурко // Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР. Под общ. ред. А.А.Здановича. 2-е изд., перераб. и доп. – Мн.: Беларусь, 1989.
25. Шаргородский, М.Д. Система и виды наказаний / М.Д.Шаргородский // Курс советского уголовного права (Часть Общая). В 5-ти томах. Т. 2. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1970.
26. О практике назначения судами уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда Украины от 24.10.2003 № 7 // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.scourt.gov.ua/clients/vs.nsf/0/2B7E0AFAF30853651C3256DF7002E9A19?OpenDocument&CollapseView&RestrictToCategory=2B7E0AFAF30853651C3256DF7002E9A19&Count=500&>. Дата доступа: 03.06.2009.
27. Барков, А.В. Верховный Суд Республики Беларусь и совершенствование уголовного законодательства / А.В.Барков // Верховный Суд Республики Беларусь: история и современность (1923 – 1998) / Под ред. В.О.Сукало, Л.Л.Зайцевой. – Мн.: ИнтерДайджест, 1998.
28. Лукашов, А.И. Правовая природа и значение постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по уголовным делам: О правовой природе постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь / А.И.Лукашов // Право Беларуси. – 2002. – № 22.
29. Кодекс Украины об административных правонарушениях // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?user=a&find=1&typ=21>. Дата доступа: 10.06.2009.
30. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (по

состоянию на 01.06.2009) // Электронная база нормативных правовых актов «КонсультантПлюс: Российская Федерация». Технология 3000 [Электронный ресурс]. – Мн.: ООО «ЮрСпектр», 2009.

31. Уголовный закон Латвийской Республики / Науч. ред. и вступ. статья А.И.Лукашова и Э.А.Саркисовой. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001.

32. Уголовный кодекс Республики Азербайджан // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.base.spininform.ru/show_doc.fwx?regnom=2670. Дата доступа: 10.06.2009.

33. Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. Л.В.Головки, Н.Е.Крылова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002.

34. Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. А.И.Лукашов, Н.Ф.Кузнецова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001.

35. Уголовный кодекс ФРГ / Пер. с нем. и предисловие А.В.Серебрянниковой. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2001.

36. Лукашов, А. «Пакетный» принцип формирования законодательства, включающего установление юридической ответственности / А.Лукашов // Юстиция Беларуси. – 2007. – № 9.

Список сносок

1. Приводимые некоторыми авторами сведения о количестве лиц, осужденных по статье 317 УК, совершивших в 2007 году это преступление в состоянии алкогольного опьянения [13, с. 11], являются завышенными, не соответствуют данным судебной статистики (см.: [11, форма 11 часть 1, строки 68 – 70]) (примеч. авт.).

2. Согласно ч. 11 ст. 2 Закона Республики Беларусь от 10.01.2000 № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь относятся к числу нормативных правовых актов и в силу абз. 13 ст. 1 этого Закона, изложенные в них положения являются нормами права – общеобязательными правилами поведения, рассчитанными на неопределенный круг лиц и неоднократное применение [17] (примеч. авт.).

3. Ввиду ограниченного объема работы не приводится обоснование тех или иных конкретных решений, предлагаемых автором (примеч. авт.).

4. Применяются названия видов наказаний и иных мер уголовной ответственности, иная терминология, свойственная УК Республики Беларусь. Норма, предлагаемая к включению в примечание к статье УК (структурный элемент, применяемый в УК Республики Беларусь) может быть использована для включения в статью (главу), содержащую определение понятий, используемых в уголовном законе (см., например, главу XIII «Значение некоторых выражений в настоящем Кодексе» УК Молдовы) (примеч. авт.).

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ПРОВЕДЕНИИ МИТИНГОВ, ДЕМОНСТРАЦИЙ, МАНИФЕСТАЦИЙ И ИНЫХ СОБРАНИЙ

Н. БОЙКО,
доктор права, конференциар университета, заведующий кафедрой публичного права, юридического факультета Славянского университета, Республика Молдова

SUMMARY

The article presents the features of the legislation of the Republic of Moldova on meetings (demonstrations, marches, etc.) and some suggestions of the author for its implementation. Material is presented in the context of protecting human rights under international law.

В статье отражены особенности законодательства Республики Молдова о собраниях (митингах, демонстрациях, манифестациях, шествиях и др.) и некоторые предложения автора по его применению. Материал излагается в контексте защиты прав человека в соответствии с нормами международного права.

Обеспечение прав человека является важнейшим приоритетом в деятельности любого демократического государства. Данное положение является результатом многовековой исторической борьбы за провозглашение права человека на его жизнь, честь, достоинство, свободу и другие благополучия, которые были закреплены Всеобщей декларацией прав человека [1], принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года. В целях ее исполнения, 4 ноября 1950 года, правительства, являющиеся членами Совета Европы, подписали Конвенцию о защите прав человека и основных свобод [2].

Одним из прав граждан является свобода собраний, получившее свое закрепление в статье 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также в статье 40 Конституции Республики Молдова [3], где, в частности, отмечается, что митинги, демонстрации, манифестации, шествия или любые другие собрания являются свободными и могут организовываться и проводиться только мирно и без какого бы то ни было оружия. Вместе с тем отметим, что, несмотря на нали-

чие этих, весьма авторитетных и значимых нормативных актов, в период демократизации общества в работе местных органов публичного управления, а также в деятельности правоохранительных органов возникло множество вопросов в ходе реализации гражданами и коллективами юридических лиц права на проведение собраний. В связи с этим Парламентом Республики Молдова был принят Закон о собраниях № 26-XVI от 22 февраля 2008 года [4], который отменил ранее существовавший Закон об

организации и проведении собраний № 560-XII от 1995 года, содержащий в себе ряд положений, противоречащих нормам международного права, а также Конституции Республики Молдова. Принятие нового закона, безусловно, является весьма положительным фактором в обеспечении граждан правом на проведение собраний. Так, в новом Законе нашли свое отражение основные принципы организации и проведения собраний, в частности обращается внимание на принцип соразмерности, в соответствии с которым любое ограничение свободы собраний должно быть рассмотрено публичными властями с соблюдением значимости между необходимостью такого ограничения в демократическом обществе и реализации права на проведение собрания. Наряду с этим получили дальнейшее развитие принципы недискриминационности, законности и презумпции в пользу проведения собрания. В главе 2 закона приводится регламентация уведомления о проведении собрания (отметим - не разрешения, а уведомления). Его процедура предусматривает, что любое лицо, намеревающееся провести собрание, подает предварительное уведомление об этом в письменной форме в орган местного публичного управления не позднее, чем за 5 дней до проведения собрания. В нем должны быть указаны имя или, в случае юридического лица, наименование организатора, его конкретные данные, цель собрания, место, дата, время его начала и продолжительности и, при необходимости, пути следования, форма проведения собрания, примерное число участников и

требуемые от органа местного публичного управления услуги, в том числе по организации охраны общественного порядка и безопасности участников собрания. Орган местного публичного управления обязан зарегистрировать предварительное уведомление и выдать организатору будущего собрания копию регистрационной записи, в которой должны быть проставлены номер, дата и время регистрации уведомления. В случае поступления предварительных уведомлений о проведении собраний от разных заявителей одновременно, в одном и том же месте, местный орган публичного управления проводит с заявителями совместное заседание и вносит предложения по изменению времени, места или формы проведения собраний. Если в процессе обсуждений ни один из организаторов не желает изменить время, место или форму проведения собрания то преимуществом пользуется организатор, первым подавший предварительное уведомление. В случае проведения стихийного собрания, под которым в соответствии со ст. 3 ранее указанного закона понимается собрание, инициируемое и проводимое как непосредственный и незамедлительный ответ на события, происходящие в обществе, и при этом, по мнению участников, оно (собрание) не может быть отложено, уведомление допускается в упрощенной форме. При этом достаточно представить информацию о месте, а также просьбу об услугах, требуемых от органа местного публичного управления.

Не является обязательным предварительное уведомление органа местного публич-

ного управления о проведении собрания, если на нем будет присутствовать ограниченное число участников (не более 50 человек). Однако, если организаторы такого собрания требуют определенных услуг от органа местного публичного управления или желают создать какую-либо конструкцию (например, трибуну), то они должны подать предварительное уведомление в письменной форме не позднее чем за один рабочий день до даты проведения собрания (см. ст. 12 Закона). Действующим законодательством разрешено уведомление общественности о месте, дате, времени и цели проведения собрания путем распространения листовок, объявлений, информационных компаний и другими законными методами.

Вместе с тем, вполне естественным является ограничение права на проведение некоторых собраний, которые вместо блага могут причинить вред как общественным, так и государственным интересам. Так, в статье 8 закона о собраниях запрещаются собрания, целью которых является:

- а) призыв к агрессивной войне, национальной, расовой, этнической или религиозной розни;
- б) подстрекательство к дискриминации или общественному насилию;
- в) подрыв национальной безопасности или территориальной целостности государства, совершение преступления, нарушение общественного порядка или организации беспорядков, нарушение общественной морали, прав и свобод других лиц или создание угрозы их жизни или здоровью.

Примечательно, что данный

перечень является исчерпывающим и нужно понимать, что расширительному толкованию он не подлежит.

Если орган местного публичного управления располагает убедительными доказательствами, что планируемое собрание будет проводиться в нарушение ст. 8, то он имеет право направить в судебную инстанцию исковое заявление о запрете данного собрания либо изменении времени, места или формы его проведения. Судебная инстанция в трехдневный срок со дня подачи заявления выносит одно из следующих решений:

а) запретить проведение собрания, заявленного его организатором, либо изменить время, место или форму его проведения;

в) сохранить право на проведение собрания. Принятое судебное решение может быть обжаловано.

Исключительно важным обстоятельством является и регламентация проведения собраний, которая устанавливается главой 4 Закона о собраниях. Прежде всего, еще раз отметим, что проводимое собрание должно носить исключительно мирный характер и по возможности не создавать какие-либо помехи для немещащих к нему отношения граждан и юридических лиц. Для этого участникам собрания запрещено иметь при себе оружие, взрывчатые вещества или другие предметы, которые могут создавать угрозу жизни или здоровью людей в период проведения собрания. При проведении собраний между 23:00 и 7:00 часами запрещается использование звуковых средств и оборудования для усиления звука. Организаторы собрания обеспе-

чивают беспрепятственный допуск в здания, расположенные в непосредственной близости от места проведения собрания. Любое лицо имеет право делать аудио или видео записи собраний. Организаторами собраний и публичными властями разрешается доступ представителей прессы. Ход собрания в незначительной степени зависит и от роли его организатора. Он, в частности, обязан:

а) проводить собрания только в форме, месте и в течение времени, указанного в предварительном уведомлении, и не допускать существенных отклонений от согласованных действий;

в) назначить лицо, ответственное за проведение собраний, и сообщить его имя органу местного публичного управления в приемлемый срок.

Организатор также вправе создать аппарат для обеспечения порядка при проведении собрания, члены которого должны иметь отличительные знаки для обеспечения их идентификации. Наряду с этим, законом четко определены обязанности участников собрания. Среди них выделяются соблюдение законодательства, общественного порядка и законные требования организатора. Им предписывается воздерживаться от действий, которые могли бы препятствовать проведению собрания, и от подстрекательства к таким действиям, а также покинуть собрание по требованию организатора и/или представителя местного публичного управления либо органа полиции, при наличии обстоятельств, свидетельствующих о нарушении законодательства.

Если во время проведения собрания имеют место грубые нарушения положения статьи 8,

то представитель органа местного управления имеет право потребовать от организатора незамедлительно его прекратить. Однако эта мера может быть применена лишь в том случае, если других мер недостаточно для обеспечения проведения собрания в соответствии с законом. Характерным является то, что отсутствие предварительного уведомления не является основанием для прекращения собрания.

Статьей 22 закона предусмотрен силовой разгон собрания. Он может иметь место лишь тогда, когда организатор собрания не подчиняется требованию представителя органа местного публичного управления или он не в состоянии прекратить собрание. При этом полиция предупреждает участников собрания о возможности применения специальных средств и о силовом разгоне собрания, предоставляя разумный срок для выполнения данного требования. Если после повторного требования разойтись, участники собрания не покидают место его проведения, то полиция по требованию представителя органа местного публичного управления, может применить законные меры для разгона собрания. При этом, в соответствии с статьей 16 Закона о полиции [5], последней могут быть использованы наручники, резиновые палки, средства связывания, слезоточивые вещества, светозвуковые устройства психологического воздействия, средства для разрушения преград, водометы и другие средства, состоящие на вооружении полиции. Для обеспечения личной безопасности при выполнении служебных обязанностей сотрудники полиции могут при-

менять щиты, шлемы, бронежилеты и другие индивидуальные средства защиты.

В зависимости от сложившихся обстоятельств, участники собрания могут быть привлечены к гражданско-правовой, административной или уголовной ответственности. В части 2 статьи 23 Закона о собраниях указывается возможность привлечения к административной ответственности организатора собрания, проводимого без подачи в органы местного публичного управления предварительного уведомления (если по обстоятельствам дела, его подача была обязательной) либо проведение собрания с нарушением условий, предусмотренных уведомлением. Наряду с этим организатор собрания может быть привлечен к ответственности за действия участников собрания, если в суде будет доказано, что они осуществляли противозаконные деяния по его призыву или подстрекательству.

Отдавая должное принятому Парламентом Республики Молдова закону о собраниях, отметим имеющие, на наш взгляд, его отдельные упущения (пробелы).

Так, нам представляется, что в ст. 3 законодатель, определяя понятия «собрание», не раскрывает его виды (митинги, демонстрации манифестации, шествия или любые другие), предусмотренные ст.40 Конституции Республики Молдова. Мы полагаем, что в этом есть необходимость, так как при оценке деятельности организатора собрания следует правильно определить его роль в зависимости от вида собрания.

Думается, что в законе следовало бы более детально от-

разить взаимодействие между организатором собрания и его возможным аппаратом с одной стороны и представителем органа публичного управления совместно с полицией - с другой стороны. При этом в начальной стадии нарушения общественного порядка со стороны отдельных участников собрания, последних можно призвать к порядку за счет других участников, которые находятся в непосредственном подчинении организатора собрания, и заблаговременно подготавливаются (инструктируются, обучаются) для этой цели. Мы считаем, что есть смысл каждого участника собрания письменно предупредить о недопустимости нарушений, указанных в ст. 8 Закона о собраниях. Для этого следует создать организационный комитет, члены которого заблаговременно могли бы получать инструктаж и ознакамливаться с действующим законодательством, регламентирующим порядок проведения собрания и ответственность за возможные правонарушения (в том числе и массовые беспорядки). Разумеется, в последующем член организационного комитета должен доводить до сведения всех участников собрания существующие требования (при условии наличия сравнительно небольшого количества участников).

В ходе проведения собрания между его организатором, представителем органа публичного управления и руководителем наряда полиции должна быть четко налажена звуковая, зрительная или иная связь. При прогнозировании возможных массовых беспорядков считаем необходимым присутствие сотрудников прокуратуры для

правовой оценки происходящих событий, которая могла бы учитываться в ходе возможного уголовного преследования лиц, причастных к преступным действиям, а также при вынужденном пресечении указанных действий органами полиции.

Положительно зарекомендовала себя в пресечении групповых нарушений общественного порядка и массовых беспорядков такая форма как призыв влиятельных (авторитетных) лиц к прекращению начавшихся правонарушений. Такими лицами могут быть депутаты Парламента, известные лидеры отдельных политических партий и т.д. Автор настоящей статьи, будучи действующим офицером МВД, 10 ноября 1989года участвовал в пресечении нападения отдельных молодых людей на здание Министерства внутренних дел и был свидетелем терпеливой и настойчивой разъяснительной работы депутатов Парламента по прекращению действий злоумышленников. Одновременно предпринимались и другие правовые меры, что в конечном итоге позволило без применения огнестрельного оружия приостановить фактически начавшиеся массовые беспорядки.

Таким образом, мы считаем, что некоторые из изложенных нами предложений могли бы получить законодательное закрепление. Очевидно, что их применение будет способствовать проведению собраний без каких-либо эксцессов.

В конечном итоге отметим, что хотя в Республике Молдова свобода митингов, демонстраций, манифестаций и иных собраний граждан находится под защитой государства, однако

в действительности имеется ряд проблем, для разрешения которых необходимо, как государственным органом, так и представителям общественности приложить немало усилий по дальнейшему обеспечению прав человека и укреплению законности в целом.

Литература:

1. см. Всеобщая декларация прав человека (принята и провозглашена резолюцией 217 А (3) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря (1948г.) - Правительство ООН в Республике Беларусь, 2000г.

2. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод измененная и дополненная протоколом №11. Серия Европейских договоров, №5 // Directorate General of Human Rights Council of Europe. F - 67075 Strasbourg Codex, June 2001 gus.

3. Конституция Республики Молдова, принятая 29 июля 1994 В: Monitorul Oficial al Republicii Moldova №1 от 12.08.1994.

4. Закон о собраниях №26-XVI от 22 февраля 2008 В: Monitorul Oficial al Republicii Moldova №80 от 22 апреля 2008.

5. Закон о полиции №416-XII от 18.12.1990 (повторное опубликование: Monitorul Oficial al Republicii Moldova №17-19 от 31.01.2002)

6. Доклад Центра по правам человека о соблюдении прав человека в Республике Молдова в 2009 году. [электр. ресурс] www.ombudsman.md

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА: ПЕРСПЕКТИВЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Г. СУЛТ,
магистр права, старший преподаватель, зав. кафедрой
Публичного права Комратского госуниверситета, докторант
МолдГУ

SUMMARY

Nowadays, the most actual problem in Moldova is social rehabilitation and adaptation of a condemned persons in a penitentiary establishments. The process of adaptation is connected with an adaptation situation. It arises with the changes that are happened in a social place and a person`s adaptation in different social surroundings.

* * *

В работе рассмотрены некоторые теоретические вопросы социальной работы в пенитенциарной системе Республики Молдова. Высказана авторская позиция о действующей системе и перспективах социальной работы в пенитенциарных учреждениях.

Одной из наиболее актуальных проблем на сегодняшний день в Республике Молдова является социальная реабилитация и адаптация осуждённых и лиц, освобождающихся из пенитенциарных учреждений. Процесс адаптации связан с адаптивной ситуацией, которая возникает в связи с произошедшими изменениями в социальной среде или переходом личности из одной социальной среды в другую. И именно ресоциализация осужденного является одним из основных направлений в деятельности как государственных структур, так и общества в целом.

Быстрая коренная ломка жизненных планов, образа жизни путём социальной изоляции порождает у человека комплекс специфических проявлений, называемых «синдромом лишнего человека». Преодолеть эти тягостные состояния осуждённого можно путём подготовки осуждённых к освобождению.

Осуждённому приходится испытывать весьма сложные адаптивные ситуации, каждый раз заново приспособляясь: к требованиям режима отбывания наказания, к условиям труда, среде осуждённых, жизни в быту в пенитенциарном учреждении; при изменении условий отбывания уголовного наказания - к новым условиям труда и быта, требованиям режима, правилам внутреннего распорядка и т.д.;

в связи с освобождением из пенитенциарного учреждения - к условиям жизни на свободе, работы в коллективе свободных граждан, к жизни в семье и т.д. Осуждённые адаптируются к условиям социальной изоляции адекватным или неадекватным образом.

Нормальная адаптация характеризуется таким психологическим состоянием осуждённого, которое существенно не отличается от обычного для него состояния до лишения свободы. Встречаются осуждённые, на которых лишение свободы не оказывает психотравмирующего действия, но это, как правило, осуждённые на небольшие сроки лишения свободы. Осуждённые на длительные сроки лишения свободы теряют представления о жизни

на свободе, именно это и необходимо исправить при проведении определенных мероприятий «по подготовке к освобождению». Освободившийся должен знать, куда, к кому, с какой проблемой необходимо обращаться. Основной целью данной школы является дать возможность индивидууму найти своё место в обществе, научить заботиться о себе самостоятельно.

Гражданин, преступивший грань закона, рано или поздно вернётся в наше общество, но, не научившись жизни в этом обществе, не найдя в нём своего места, он продолжит свой преступный путь. Основная цель социальной работы с осуждёнными (миссия) - гуманизация процесса отбывания наказания, снижение уровня рецидивной преступности. Некоторые задачи свойственны только социальной работе, другие являются пограничными между социальной работой и оперативной деятельностью, воспитательной и образовательной работой, психологией и психиатрией.

Содействие в восстановлении и укреплении социально полезных связей осужденных, их трудовом и бытовом устройстве после освобождения, решение вопросов, связанных с пенсионным обеспечением является одним из важнейших в социальной работе с престарелыми людьми и инвалидами. Важным моментом здесь является анализ документации, регулирующий вопросы по получению документов, удостоверяющих личность бывшего осужденного, а также подтверждающих его право на социальное обеспечение и т.д.; привлечение специалистов различных служб социальной защиты населения к оказанию помощи осужденным, в том числе консультаций; привлечение общественности к решению социальных проблем осужденных, в том числе в трудовом и бытовом устройстве осужденного после освобождения из пенитенциарного учреждения.

К основным функциям тер-

риториальных подразделений (исправительных бюро) Исполнительного департамента Министерства юстиции Республики Молдова совместно с органами одела учета и документирования населения, органов пенсионного и социального обеспечения относятся:

- осуществление социальной диагностики осужденных, выявление лиц, нуждающихся в приоритетной социальной помощи, поддержке и защите, разработка индивидуальных программ по работе с ними;

- комплексное изучение личности осужденных, нуждающихся в социальной помощи, совместно с сотрудниками Службы пенитенциарной пробаии;

- обеспечение нуждающихся лиц квалифицированной социальной помощью, стимулирование осужденных на самостоятельное решение своих социальных проблем;

- содействие укреплению положительных социальных связей осужденных с внешней социальной средой: с семьей, родственниками, трудовыми коллективами и учебными заведениями, общественными объединениями и религиозными организациями;

- привлечение осужденных к деятельности по решению вопросов социальной направленности, организационное и методическое руководство работой социальной помощи;

- социальное сопровождение осужденных на всех этапах отбывания наказания;

- оказание содействия в вопросах трудового и бытового устройства осужденных, освобождающихся из пенитенциарного учреждения.

К основным обязанностям указанных органов относятся:

- осуществлять социальную диагностику, выявлять социальные проблемы конкретных осужденных, их групп и определять пути их решения;

- составлять совместно с заинтересованными территориальными подразделениями (исправительными бюро) Ис-

полнительного департамента Министерства юстиции Республики Молдова социальную карту осужденного;

- оказывать осужденным индивидуальную помощь, в соответствии с соблюдением требований законности и соблюдением прав человека, информировать и консультировать их по вопросам пенсионного, иного социального обеспечения;

- вести учет проделанной работы, анализировать ее результаты и влияние на исправление осужденных;

- осуществлять контроль и принимать своевременные меры к предоставлению всех социальных гарантий осужденным;

- вести учет пенсионеров и лиц, имеющих право на получение пенсий и социальных пособий, с момента наступления у осужденного права на получение пенсии, оформлять необходимые документы и направлять их в территориальные органы, осуществляющие пенсионное обеспечение;

- осуществлять контроль за своевременным перечислением пенсий и социальных пособий органами социальной защиты населения и принимать необходимые меры по устранению недостатков;

- совместно с другими службами принимать меры по получению документов, подтверждающих право осужденных на социальное обеспечение;

- оказывать содействие осужденным в восстановлении социальных связей с родственниками, общественными и религиозными организациями;

- разъяснять положения действующего законодательства, касающихся прав и обязанностей освобождающихся, порядка оказания осужденным содействия в трудовом и бытовом устройстве, оформления документов и получения регистрации;

- взаимодействовать с органами местного публичного управления, службы занятости и органами внутренних дел по избранному осужденным месту

жительства в предварительном решении вопросов трудового и бытового устройства освобожденных;

– оказывать консультативную помощь осужденным в подготовке необходимых документов для получения документов, удостоверяющих личность, а так же мер по получению документов, подтверждающих их право на социальное обеспечение;

– принимать все необходимые меры к практическому применению «Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод»;

– не допускать ущемления права на свободу выражения мнения лиц, как во время содержания в пенитенциарном учреждении, а также после освобождения их из указанных учреждений;

– вести разъяснительную работу среди лиц, содержащихся под стражей в пенитенциарном учреждении, а также после освобождения их из указанных учреждений, руководствуясь основными положениями «Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод»;

– свою служебную деятельность направлять на выполнение требований действующих законов, а также рекомендаций «Европейской Конвенции по предупреждению пыток»[1] и решений «Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод»[2], обеспечивать условия содержания осужденных, которые бы не ущемляли достоинство человека.

Нести ответственность: за правильность ведения документации и переписки; за своевременное оформление пенсий и отчетов; за ознакомление осужденных с предназначенными для них документами.

– запрашивать и получать от служб пенитенциарных учреждений необходимую для своей деятельности информацию о личности осужденного; содействовать приобретению ими образования, профессии; вносить предложе-

ния по социальному обеспечению осужденных, контролировать выполнение рекомендаций по социальным вопросам; осуществлять в рамках своих полномочий взаимодействие с представителями государственной власти по вопросам социальной защиты осужденных.

Социальная работа с осужденными в административно-территориальных единицах Республики Молдова начинается с первых дней пребывания на свободе лица, освобожденного из пенитенциарного учреждения. Сотрудник территориального подразделения (исправительного бюро) Исполнительного департамента Министерства юстиции Республики Молдова проводит ознакомительную беседу с освобожденным, нуждающимся в социальной помощи; оказывает ему консультативную помощь при оформлении пенсии, розыске документов, розыске родственников и близких людей. При проведении индивидуальной работы необходимо учитывать, что вновь прибывшие, как правило, длительное время настроены на сопротивление. Они находятся в состоянии ожидания давления и агрессии со стороны общества. Поэтому важно с первых бесед устранить атмосферу недоверия, добиться конструктивных контактов, дать установку на активный образ жизни, на необходимость получения профессии или участия в общественно полезном труде и т.д.

С каждым годом число консультаций растёт, что превращает работу сотрудника территориального подразделения (исправительного бюро) Исполнительного департамента Министерства юстиции Республики Молдова в аврал. Ведь после каждой беседы или консультации с лицом, освобожденным из пенитенциарного учреждения, предстоит определенная работа по оказанию ему помощи, защите или поддержке. Социальная работа должна помогать человеку развиваться как личности с высоки-

ми гуманистическими ценностями и не должна осуществляться путем ломки личности и нарушения гуманистических ценностей. Подлинная социальность, как определенный тип и степень развития социального сознания, поведения и активности в обществе, возможна только при отношении к людям как к личности, уважении их индивидуальности, свободы. Таким образом, личностно-гуманистический подход определяет границы содержания и метод социальной работы, выход за пределы которых ведет к деструкции и деформации человека и общества.

В отношении лица, освобожденного из пенитенциарного учреждения по случаю окончания срока отбывания наказания, сотрудником территориального подразделения (исправительного бюро) Исполнительного департамента Министерства юстиции Республики Молдова составляется «учетная карточка первоначальной оценки клиента» и «план пробации, предусматривающий ресоциализацию осужденного».

Для составления «учетной карточки первоначальной оценки клиента» и «плана пробации, предусматривающего ресоциализацию осужденного»: ведется изучение его личного дела; изучается личность самого лица, освобожденного из пенитенциарного учреждения в процессе личных бесед; изучаются документы, полученные ответы на запросы; используется краткая характеристика, представленная Службой пенитенциарной пробации; клеится фотография.

Сегодня в пенитенциарных учреждениях доступна информация об окружающем мире посредством СМИ.

Большинство осужденных находятся в курсе содержания и перемен в политическом, экономическом и социальном аспектах жизнедеятельности общества. Это уже говорит о том, что они имеют ориентацию в окружающей действительности. Знания, обеспечивающие им материаль-

ное благополучие, наиболее интересно осужденным сегодня. По этой причине необходимо максимально обеспечивать адекватной информацией в данных сферах жизни осужденных в процессах индивидуальных и коллективных бесед, лекционных занятий и предоставлять минимальный практический базис по обучению в этих сферах. Адекватная информация о динамичности жизни позволяет осужденному быть наиболее подготовленным к тому, что по его освобождению он встретится с многими непредвиденными условиями, которые необходимо будет преодолеть, чтобы быстрее адаптироваться к полноценной жизни. Но не менее важно и то, чтобы осужденный за время отбывания наказания осознал свою вину, нашел причины преступления и проанализировал неизбежные следствия этих преступлений. Необходимо, чтобы осужденный глубже проникся экзистенциальными установками для осмысленной жизнедеятельности после освобождения.[3]

После освобождению человек реже определяется по внутреннему убеждению, а чаще - по обстоятельствам.

Последняя проблема заключается в том, что взгляды осужденных на жизнь после освобождения близки к реальности, но далеко не у всех освобождающихся есть реальная возможность добиться необходимого желаемого результата, и это актуализирует развитие реабилитационных программ для освобождающихся осужденных, наиболее чуткое отношение социальных служб к людям, которые уже не имеют никакой надежды на помощь им со стороны государственных органов.[4]

Но немаловажный фактор адаптации принадлежит и личностному аспекту самого осужденного и апелляция к его знаниям, умениям, навыкам. Освобождающийся из заключения человек более чувствителен ко всякой фальши, к предвзятости, к неискренности. При реализации

знаний, умений и навыков, приобретенных в пенитенциарных учреждениях, ему необходимо видеть и чувствовать «первую помощь», искренность «пользы ближнего», что поможет такому человеку твердо встать на ноги и реализовать заложенные в нем таланты как врожденные, так и приобретенные.

Проблемы, существующие сегодня в молдавском обществе, ставят лиц, освобождающихся из пенитенциарных учреждений, в тяжелые жизненные ситуации, которые сегодня решить самостоятельно просто нельзя.

Стереотипы предвзятого отношения со стороны работодателей, недоверие со стороны организаций, могущих дать ссуды или жилплощадь в аренду, выталкивают освободившихся осужденных за окружающий их социум, что приводит к повышению процента рецидивной преступности. Таким людям необходима поддержка в сложившихся тяжелых жизненных ситуациях.[5]

Смена места расположения, перемена норм социальной активности, большая психологическая перегрузка и правовая дезадаптация после освобождения приводит освободившегося в некоторое замешательство, что способствует аффективным проявлениям и феноменизации бессознательных импульсов, дезориентации сознания. Задачей институтов, компетентных в оказании им помощи и поддержки, является обеспечение нуждающегося, необходимым минимумом знаний, обеспечивающим потребности лиц, освобожденных из пенитенциарных учреждений. Но первоначальная ориентация должна оказываться уже в пенитенциарном учреждении для формирования в осужденном личности, который затем мог бы приспособиться к динамичности окружающего мира.[6]

При изучении некоторых аспектов деятельности сотрудников территориальных подразделений (исправительного бюро) Исполнительного департамента

Министерства юстиции Республики Молдова видно, что лица, освобожденные из пенитенциарных учреждений, неадекватно определяют феномен социальной работы, путая беседы сотрудников территориальных подразделений (исправительного бюро) Исполнительного департамента с индивидуальными беседами социальной направленности. Многие просто не имеют никакого представления о социальной работе, путая ее с обязанностью государственного аппарата в их материальной социальной защите по освобождению, которую оценивают крайне негативно, отмечая ее практическое отсутствие и равнодушие к бывшим осужденным.

В связи с чем некоторые осужденные зачастую делают вывод, что единственная социальная работа, которую они видели в своей жизни, - это данное анкетирование и это вселяло в них надежду на разрешение их дальнейших проблем.

Литература:

1. Европейской Конвенции по предупреждению пыток (1987г.)
2. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. (1950 г.).
3. Антология социальной работы [Сборник в 5 т.] т. 2. М.: Сварог., 1995.
4. Корнюшина Р.В. Зарубежный опыт социальной работы. Издательство Дальневосточного университета 2004.
5. Ковалева А.И. Социализация личности норма и отклонение. М.: Институт молодежи, 1996.
6. Ананьев О.Г. Социальная работа в уголовно-исполнительной системе. Учебно-методическое пособие. Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2005.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ ЦЕННЫХ БУМАГ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Н. АКИНФIEВА,

старший преподаватель юридического факультета Славянского университета Республики Молдова, магистр права, аспирант УНИД Белгородского государственного университета

SUMMARY

В представленной статье речь идет о некоторых проблемах обращения ценных бумаг в странах Европейского союза.

Глобализация современной хозяйственной деятельности и экономического развития диктует свои требования, количественные и качественные параметры организации экономических отношений современного общества. Необходимость соответствовать вызовам современной мировой экономики требует от государств создания такого инвестиционного климата, который благоприятствовал бы привлечению инвестиций в экономику.

Инвестиционный климат наряду с политической, законодательной стабильностью, экономически обоснованной налоговой политикой, предполагает также включение экономики в мировые хозяйственные коммуникации, развитие комплексной инфраструктуры рынка ценных бумаг. В этой связи, одним из важнейших направлений государственной политики в области финансово рынка является формирование соответствующих условий для инвестиционной деятельности на рынке капитала и рынке ценных бумаг, как таковом.

Для обеспечения развития своей экономики государства принимают меры, которые соответствуют поставленным целям и сферам развития, и одними из них являются меры по развитию рынка капитала. Страны Европейского союза, объединившие свои усилия в области создания единого экономического пространства и дальнейшего экономического развития в рамках нового интеграционного образования, в этой сфере предпринимают попытки

организации единого европейского пространства в области финансового рынка и организации единой системы учета ценных бумаг, обращающихся на организованном рынке.

Принимая во внимание успехи, достигнутые Европейским союзом в вопросе интеграционного регулирования и его роль в общеевропейском регионе, опыт правового регулирования рынка ценных бумаг и оборота ценных бумаг, накопленный Европейским союзом, представляет несомненный интерес. Проект Закона о рынке капитала, разработанный национальной комиссией по финансовому рынку и представленный на рассмотрение в Парламент Республики Молдова в ноябре 2011 года – попытка учесть европейский опыт в данной сфере. Таким образом, изучение структуры рынка ценных бумаг Европейского союза, его институтов и правового регулирования является важной практической и теоретической задачей.

Развитие рынка ценных бумаг Европейского союза обеспечива-

ется формированием его инфраструктуры, которая обеспечивает: аккумуляцию и концентрацию средств населения и предприятия; привлечение инвестиций в экономику страны; согласование имущественных интересов страны, институциональных и индивидуальных инвесторов в процессе обращения ценных бумаг; оборот ценных бумаг и взаимных расчетов по ним; интеграцию страны в мировую экономику за счет внедрения общих принципов функционирования рынка ценных бумаг.

В свою очередь, инфраструктура рынка ценных бумаг, наряду с системой заключения сделок и системой их исполнения, включает систему учета прав собственности на ценные бумаги. Именно система учета прав собственности на ценные бумаги в процессе их обращения формирует саму структуру рынка ценных бумаг и систему гарантий прав собственности на ценные бумаги и интересов инвесторов.

В связи с этим, в данной области и возникает наибольшее количество вопросов. Они из них связаны с самой возможностью создания единых стандартов и системы учета ценных бумаг на всем пространстве Европейского союза. Современное развитие рынков ценных бумаг предъявляет все более жесткие требования к оборотности ценных бумаг. Новые информационные технологии привели к созданию новых техно-

логий и на рынке ценных бумаг. Технический прогресс оказался фактором, который стимулировал развитие централизованных компьютерных систем. Он обеспечил выпуск и обращение ценных бумаг в форме электронных записей и повысил эффективность расчетов. Фактически начинается интернационализация рынков капиталов, которая сопровождается реформированием национальных рынков и их приспособлением к глобальным системам ценообразования и обращения ценных бумаг.

Другой проблемой является задача гармонизации законодательства стран-участниц, которые зачастую по-разному регулируют вопросы содержания права собственности на ценные бумаги, порядок их эмиссии, права компаний при эмиссии и дальнейшем обращении ценных бумаг. Специфика национальных рынков ценных бумаг, иногда даже принципиальное отличие законодательства относительно обращения ценных бумаг одной страны от другой значительно усложняли решение этой проблемы. Обычай и практика деятельности местных рынков значительно отличались, что запутывало и сбивало как национальных, так и иностранных участников.

Быстрое развитие бизнеса с ценными бумагами в свою очередь усложняло положение относительно требований по соответствию международной идентификации финансовых инструментов. Таким образом, с увеличением международной торговли особую важность приобрело выполнение требования относительно стандартизации всех видов деятельности на рынке ценных бумаг и в особенности в области организации оборота ценных бумаг и учета прав собственности на них.

В силу важности данной задачи, вопросы стандартизации рынка ценных бумаг в области учета прав собственности и идентификации ценных бумаг как таковых, является предметом регулирования не только и не столько на уровне участников рынка ценных

бумаг, сколько в первую очередь предметом регулирования наднациональных институтов Европейского союза, и их взаимодействия с международными организациями в данной области.

Так, к органам и институтам Европейского союза, обладающим полномочиями в области регулирования рынка ценных бумаг, относятся: Европейский парламент, Совет Европейского союза, Европейская комиссия, Суд и Европейская организация по ценным бумагам и рынкам (*European Securities and Market Authority — ESMA*). Европейская организация по ценным бумагам и рынкам была создана и функционирует в соответствии с Регламентом Европейского парламента и Совета N 1095, принятом в 2010 году [1]. Она является одной из весьма многочисленных профильных организаций, за которой закрепляются широкие полномочия в сфере регулирования и контроля, который иногда носит даже прямой характер по отношению не к национальным органам власти, а именно по отношению к национальным профессиональным участникам рынка.

В сфере международного сотрудничества следует отметить органы наднационального характера, не являющиеся регуляторами в полном смысле слова, — это, в частности, IOSCO [2], объединяющее регуляторов фондовых рынков более 100 государств (90% мировых рынков ценных бумаг). В числе организаций, вовлеченных в разработку стандартов и правил на рынке финансовых услуг, следует также назвать Банк международных расчетов, Международную ассоциацию по свопам и производным инструментам, Международную Ассоциацию по рынку ценных бумаг [3].

Результатом реализации на международном уровне цели стандартизации рынка ценных бумаг с возможностью применения новых информационных технологий стал толчок к развитию депозитарной деятельности, как системной функции рыноч-

ной инфраструктуры в области исполнения сделок и учета прав собственности на ценные бумаги. Данная тенденция получила свое развитие в докладах Группы 30-ти и Базельского банковского комитета, в рекомендациях международной организации IOSCO, стандартах ISO, директивах ЕС и в других документах. В результате этого более чем в 100 странах мира появились полно функционирующие Центральные депозитарии, которые стали основой обращения “электронных ценных бумаг” и предоставили дополнительный толчок для развития рынка капитала. В Европейском союзе эта тенденция вызвала появление новых платежных и фондовых систем.

Главным фактором для развития идеи Центральные депозитариев стали рекомендации Группы 30-ти о Клиринге и расчетной системе мировых рынков ценных бумаг, опубликованные в 1989 г. В докладе отмечалось, что “каждая страна должна иметь развитый и эффективно функционирующий Центральный депозитарий ценных бумаг, организация и управление которого оказывали бы содействие привлечению большего числа участников”.

Депозитарная и расчетно-клиринговая деятельность в последние десятилетия стала одним из ведущих видов профессиональной деятельности на европейском рынке ценных бумаг. Эта деятельность обеспечивает фундамент рынка ценных бумаг. В значительной мере процедуры учета, клиринга и расчетов определяют действенность и эффективность фондового рынка и помогают обеспечить целостность рынка, снизить уровень риска и сэкономить значительные средства.

В своей деятельности центральный депозитарий ориентируется на: дематериализацию ценных бумаг; развитие услуг кредитования / залога ценных бумаг; расширение круга ценных бумаг / инструментов, которые берутся на обслуживание; внедрение международных опера-

ций; создание методологических основ стабильности и снижения рисков на фондовом рынке, привлечение иностранных инвестиций; повышение ликвидности / оборотности рынка; развитие информационно - технологических систем. Все больше возрастает роль Центрального депозитария в международных расчетах и клиринге.

Таким образом, в Европейском союзе сложилась довольно таки единообразная система центральных депозитариев, которые решают задачу организации единой системы учета прав на ценные бумаги, находящиеся в обращении на организованном рынке. Следующей задачей, которую сегодня решают власти Европейского союза, является задача создания единого информационного центра, который будет аккумулировать всю информацию о ценных бумагах, допущенных к обращению на организованных рынках стран-участниц Европейского союза, ценах на эти ценные бумаги, объемах операций с ценными бумагами.

Данная система должна способствовать реализации принципов прозрачности рынка и исполнения поручений инвесторов на покупку и продажу ценных бумаг на наилучших для них условиях. Указанные принципы закреплены в Директиве Совета Европейского союза от 21 апреля 2004 г. 2004/39/ЕС «О рынках финансовых инструментов» (MiFID) [4].

Все больше возрастающая роль системы центральных депозитариев ставит перед ними и другие задачи, которые хоть и находятся за пределами рынка ценных бумаг как такового, тем не менее непосредственным образом влияющих на его. Речь идет об обеспечении сохранности данных о ценных бумагах и их владельцев, предотвращение манипуляции информацией о ценных бумагах, соблюдение конфиденциальности информации и собственниках ценных бумаг и т. д.

Данная проблема особо остро встает в странах-участницах, недавно присоединившихся к Евро-

пейскому союзу, где все еще идет процесс становления рыночных отношений и демократии.

Современной тенденцией решения обозначенных проблем является усиление роли государственных и наднациональных надзорных органов Европейского союза в регулировании депозитарной деятельности. Также важно отметить, что и за депозитариями часто закрепляются функции надзора и контроля за участниками депозитарной системы, что позволяет говорить о них, в некоторых случаях, как о структурах, частично наделённых публично-правовыми полномочиями.

Другой не менее сложной сферой приложения усилий по гармонизации рынка ценных бумаг Европейского союза является сфера гармонизации законодательства стран-участниц, регулирующего рынок ценных бумаг. В этой сфере особое место отводится рекомендательным нормам Европейского союза, которые принимаются совместно Парламентом и Комиссией Европейского союза. Ключевое место в этой области отводится Директиве Совета Европейского союза от 21 апреля 2004 г. 2004/39/ЕС «О рынках финансовых инструментах» (MiFID).

В ноябре 2007 г. Директива ЕС № 2004/39/ЕС (MiFID) вступила в силу. Прошедшие четыре года показали, что поставленная задача объединения европейских рынков в единое пространство и создание единых правил квалификации финансовых инструментов и ценных бумаг оказалось не такой простой. В плане работы Комиссии Европейского союза на 2011-2012 год назначена работа по подведению итогов внедрения директивы в национальное законодательство стран-участниц, оценке результатов, и, возможно, принятие нового документа в данной области.

В целом значение директивы состоит в том, что она вводит в действие понятие «единый рынок» и «регуляторный режим для финансовых услуг» в рамках Евросоюза. Она ставит целью

обеспечение возможности для участников рынка свободно взаимодействовать с контрагентами в других странах Евросоюза в те же сроки и на тех же условиях, что и в своей стране. Основными областями применения MiFID, являются:

Деятельность бирж (регулируемых рынков) и других не регулируемых в настоящее время торговых институтов;

Установление требований пред- и постторговой прозрачности для сделок с ценными бумагами;

Расширение диапазона инвестиционных услуг и продуктов, требующих авторизации;

Обеспечение возможности выдачи «паспорта» инвестиционным компаниям, предварительно получившим авторизацию от национальных регуляторов, дающего возможность осуществлять международную деятельность через открытие филиалов в других странах-участницах, тем самым предлагая международные услуги для более широкого круга сделок [5].

В рамках новой директивы происходит закрепление ключевых понятий рынка ценных бумаг. Среди них в первую очередь необходимо отметить такие понятия как: «(передаваемые) ценные бумаги» (transferable securities), включая акции и депозитарные расписки на акции; облигации и другие долговые ценные бумаги, в том числе депозитарные расписки на облигации; другие ценные бумаги, дающие право на приобретение или продажу ценных бумаг. В свою очередь понятие «инструменты денежного рынка» (money-market instruments) включает в себя краткосрочные (до 1 года) финансовые инструменты, такие как казначейские векселя, депозитные сертификаты, коммерческие бумаги, другие платежные инструменты. Введенное Директивой понятие «финансовый инструмент» (financial instrument) включает в себя не только ценные бумаги и инструменты денежного рынка, но и инструменты институтов коллективного инвестиро-

вания, расчетные и поставочные производные финансовые инструменты (опционы, фьючерсы, СВОП, форварды) с различными базовыми активами.

По объекту регулирования MiFID распространяет свое действие на все инструментальные сегменты рынка: акции, облигации, производные финансовые инструменты, рынок коллективных инвестиций.

Среди мер по защите интересов инвесторов необходимо отметить тот факт, что Директивой установлены единые требования к раскрытию информации на рынке ценных бумаг, хранению информации о сделках, требования к отчетности профессиональных участников рынка и др. Дополнительно к этому, MiFID устанавливает важные положения о защите клиентов: обязанность проводить оценку «адекватности» клиента (опыт, знания, финансовое положение), а также правило «наилучшего исполнения» — брокер, получив заявку клиента, обязан исполнить ее наилучшим способом и в течение определенного времени (от 3 до 5 лет) хранить соответствующую информацию. Однако необходимо обратить внимание на то, что критерии «наилучшего исполнения» в Директиве отсутствуют.

Также в целях защиты инвесторов Директивой установлены строгие требования к отчетности и ведению внутреннего контроля инвестиционных фирм, т. е. предоставление отчетов по сделкам должно осуществляться практически немедленно — не позднее окончания рабочего дня, следующего за днем совершения сделки. Минимальный срок хранения информации — 5 лет. Каждое государство — член Европейского союза обязано вести реестр инвестиционных фирм и предоставлять соответствующую информацию другим странам — членам Европейского союза.

По мнению участников рынка и экспертов, принятие и вступление в силу MiFID стало дополнительным толчком к консолидации европейского рынка

ценных бумаг, активизировало процессы его взаимодействия, включая объединение институтов и инфраструктуры (биржи, расчетные системы). Помимо этого, благодаря росту конкуренции и повышению «технологичности» торговли, отмечается снижение комиссионных и иных биржевых сборов.

Необходимо отметить, что MiFID рассматривает вопросы осуществление контроля и надзора лишь в отношении профессиональной деятельности участников рынка. Иные вопросы, в частности контроль над эмитентами ценных бумаг, борьба с рыночными злоупотреблениями и недобросовестными практиками на рынке ценных бумаг, рассредоточены по отдельным направлениям регулирования в различных директивах.

С точки зрения анализа перспектив внедрения MiFID в практику функционирования рынков ценных бумаг стран Европейского союза необходимо отметить, что по замыслу разработчиков она должна существенно снизить долю протекционизма на национальных рынках, сделать границы рынков ценных бумаг стран-участниц Европейского союза более прозрачными, снять барьеры на пути движения инвестиций. Положения директивы отменяют ряд местных ограничений. Так, сняты ограничения на операции с деривативами во Франции, Испании и Италии, тогда как ранее местные биржи имели монополию на организацию таких торгов.

Таким образом, анализирую систему организации оборота ценных бумаг и учета права собственности на них, можно говорить, что в Европейском союзе, несмотря на все объективные и субъективные трудности, обретает свои окончательные формы единая система регулирования рынка ценных бумаг. Она представлена:

– масштабными рекомендациями странам-участницам по унификации своего внутренностного законодательства с учетом

общеевропейских тенденций в области квалификации финансовых инструментов и ценных бумаг;

– общей тенденцией усиления роли наднациональных органов Европейского союза в вопросе прямого регулирования деятельности участников рынка ценных бумаг;

– попыткой создания единой системы учета информации о ценных бумагах, допущенных к обращению на организованном рынке, информации о ценах на эти ценные бумаги и, что особо важно, о собственниках на них.

Литература:

1. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Калинин П.А. и др. Право Европейского Союза: учебное пособие (отв. ред. С.Ю. Кашкин). - 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011г.

2. Сапожников О. Европа объединяет рынки капитала // Газета «Коммерсантъ», 3 226 (4281) от 03.12.2009г.

3. REGULATION (EU) No 1095/2010 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 24 November 2010 establishing a European Supervisory Authority (European Securities and Markets Authority), amending Decision No 716/2009/EC and repealing Commission Decision 2009/77/EC// OJ L 331/84 EN Official Journal of the European Union 15.12.2010.

4. Directive 2004/39/EC of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 on markets in financial instruments amending Council Directives 85/611/EEC and 93/6/EEC and Directive 2000/12/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Directive 93/22/EEC, OJ L 145, Official Journal of the European Union 30.4.2004. P. 1–44.

5. Меньшикова А. Регулирование рынка ценных бумаг в ЕС – возможность использования подходов // Журнал «Рынок ценных бумаг» 2009г. – №9/10.

6. Майзенберг Ф., Гусева М.,

Рекомендации международных организаций по модернизации депозитарной деятельности // Журнал «Рынок ценных бумаг» 2006г. – № 1 (35).

Список сносок:

1. REGULATION (EU) No 1095/2010 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 24 November 2010 establishing a European Supervisory Authority (European Securities and Markets Authority), amending Decision No 716/2009/EC and repealing Commission Decision 2009/77/EC// L 331/84 EN Official Journal of the European Union 15.12.2010.

2. Международная организация регуляторов рынка ценных бумаг (International Organization of Securities Commissions), далее — IOSCO.

3. Меньшикова А. Регулирование рынка ценных бумаг в ЕС - возможность использования подходов // Журнал Рынок ценных бумаг № 5, Май 2009 год

4. Directive 2004/39/EC of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 on markets in financial instruments amending Council Directives 85/611/EEC and 93/6/EEC and Directive 2000/12/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Directive 93/22/EEC, OJ L 145, 30.4.2004. P.

5. Майзенберг Ф., Гусева М., Рекомендации международных организаций по модернизации депозитарной деятельности // РЦБ. – 2006. – № 1 (35).

КРИМІНАЛІСТИЧНИЙ АНАЛІЗ ЕКОНОМІЧНИХ ЗЛОЧИНІВ

П. ЧЕБЕРЯК,
суддя Господарського суду м. Києва, магістр права

SUMMARY

The criminalistics aspects of economic crimes which are accomplished systematic open up in the article, including within the limits of legal economic activity.

В статті розкриваються криміналістическі аспекти економічних преступлений, которые совершаются систематически, в том числе в пределах легальной хозяйственной деятельности.

Постановка проблеми. Криміногенна ситуація в Україні залишається складною і напруженою і це впливає не лише з показників статистики, а й з конкретних фактів, що характеризують як кількісні, так і якісні аспекти цієї обстановки, свідчать про тенденції її розвитку, підкреслюють гостроту і загрозу, яку вона несе нашому суспільству, кожному законослухняному громадянину. Такими тенденціями є: інтеграція злочинних елементів, їх об'єднання у кримінальні угруповання різного рівню організованості й розвитку, підвищення ступеню організованої злочинності, проникнення злочинних формувань у різні сфери економіки, виникнення транснаціональних зв'язків між кримінальними угрупованнями з корумпованими чиновниками державного апарату і, що особливо небезпечно, із співробітниками правоохоронних відомств. Переважну більшість економічних злочинів в Україні здійснюють представники середньої та вищої ланки. Про це свідчать дані PricewaterhouseCoopers з Всесвітнього огляду економічних злочинів в 2011 році. Згідно з опитуванням, в Україні за 2011 рік 40 відсотків посадових економічних злочинів припало на вище керівництво, 40 відсотків – на керівників середньої ланки. Загалом від економічних злочинів фінансові збитки в Україні у 2011 році становлять 5 млн. 100 тисяч доларів США [1]. Незаконне привласнення майна є найбільш поширеною формою економічних злочинів в Україні (73% в 2011 році у порівнянні з 59% у 2009 році). Серед інших видів шахрайських дій основною проблемою для українських компаній є хабарництво та корупція (60%), маніпуляції з фінансовою звітністю (30%) та недобробовісна конкуренція (23%), яка стає зростаючою загрозою, враховуючи триразове збільшення кількості зареєстрованих випадків у порівнянні з 2009 роком.

Різка загострення проблеми боротьби, в числі інших, з економічною злочинністю ставить перед наукою криміналістикою і правозастосовчою практикою низку нових завдань. Розв'язання цих завдань

часто потребує нетрадиційних підходів, оскільки багато які з відомих раніше методик стали на цей час мало ефективними. Водночас основоположним залишається принцип боротьби із злочинністю, зокрема, й еконо-

мічною, дотримання якого надзвичайно важливе за будь-яких соціально-економічних умов та відносин. Це відомий принцип невідворотності покарання винних за вчинений злочин. В галузі економічних відносин цей принцип треба розглядати ширше – невідворотність за вчинене правопорушення взагалі, оскільки в діяльності суб'єктів господарювання переходить від адміністративних і цивільно-правових порушень до злочинів інколи досить умовні. Практична реалізація цього принципу передбачає безумовне виявлення, розкриття й розслідування кожного факту протиправних дій в сфері економіки. Завданням держави і її правоохоронних органів є створення системи захисту власності й економічних інтересів суб'єктів господарювання, а важливим елементом цієї системи є всебічне забезпечення діяльності з виявлення, розслідування й запобігання злочинів.

Якісні зміни у структурі економічної злочинності викликають необхідність пошуку нових рішень і активних заходів для вирішення проблем удосконалення діяльності правоохоронних органів з протидії економічній злочинності. Значне місце у вирішенні цих проблем займає криміналістика, соціальною функцією котрої є озброєння органів розслідування і правосуддя сучасними методами пошуку істини.

Злочинність як негативне соціальне явище притаманна будь-якому суспільству, починаючи з ранніх етапів становлення держави та права. В динаміці та структурному змісті злочинності спостерігаються певні процеси, що визначаються характером суспільно-політичних перетворень. Найбільш бурхливого розвитку злочинність набуває в періоди кардинальних змін в умовах соціальної трансфор-

мації суспільства. Не обминула такого періоду й Україна, що твердо стала на шлях незалежності та формує власні державні інститути.

Сьогодні фактично відбувається процес перетворення злочинності: певні її види відмирають, інші – послабляються, ще інші – виникають, а деякі набувають нового змісту. Спроби теоретичної розробки моделі злочинності в сучасних умовах в різних країнах світу призвели до таких висновків: по-перше, злочинність набула організованого характеру, що означає, що традиційна злочинна діяльність насильницької спрямованості здійснюється злочинними групами й угрупованнями, які базуються на розподілі праці і які займаються нею як промислом; по-друге, основною сферою злочинної діяльності становиться економіка; по-третє, все більш розповсюдженими стають злочини, що скоюються не традиційними кримінальними способами, а з використанням економічних методів. Перша із вказаних особливостей сучасної злочинності вже отримала своє визначення і в теорії, і на практиці в такому понятті як організована злочинність. Для характеристики другої та третьої особливостей сучасної злочинності було визначено поняття економічна злочинність.

Організована та професійна злочинність починає домінувати у кримінальному середовищі. І це далеко не випадково. Після переходу від планової, суворо регульованої державою економіки до ринкових відносин і з появою приватної власності в злочинній діяльності спостерігається неабиякий сплеск, котрий відчувається практично в усіх галузях суспільних відносин. Організовані злочинні угруповання здійснюють не безуспішні спроби підкорити своїм ін-

тересам усі стратегічно важливі компоненти життя суспільства й держави. Значні побоювання викликає той факт, що найбільше сприятливим полем діяльності організованих злочинних груп стала сфера економіки.

Своєрідний феномен злочинності в господарській сфері полягає в тому, що поряд з традиційними формами, які збереглися з часів адміністративно-командної системи, наприклад, розкрадання, зловживання службовим становищем, хабарництво, ухилення від податків та ін., водночас виникають нові, надзвичайно небезпечні види економічних злочинів, такі як легалізація коштів та майна, здобутих злочинним шляхом, фіктивне підприємництво, фіктивне банкрутство, ухилення від повернення виручки в іноземній валюті та інші, а також відбувається модифікація відомих способів вчинення злочинів, наприклад, розкрадання банківських коштів шляхом підроблення авізо, розкрадання грошей шляхом підроблення банківських пластикових карток, численні способи шахрайства з фінансовими ресурсами тощо. Особливо небезпечного характеру і великих розмірів набувають зловживання шляхом незаконного втручання в роботу електронно-обчислювальних машин, систем та комп'ютерних мереж, а також із злочинним використанням бухгалтерського обліку для приховування незаконних виробничо-фінансових операцій.

Багато які з процесів, що відбуваються сьогодні в економіці, вийшли за межі дій правового поля і не повною мірою регламентуються діючим законодавством. Це використовують суб'єкти господарювання в своїх інтересах на шкоду іншим суб'єктам. До сьогодні серед вчених і практиків існують по-

лярні точки зору на проблему впливу ринкової економіки на злочинність в сфері фінансово-господарської діяльності підприємств різних форм власності. Дехто вважає, що з появою приватної власності покращується контроль з боку власників, співвласників підприємств і це позитивно відбивається на зниженні економічної злочинності. На думку інших, гонитва за прибутками робить нерозбірливими шляхи їх досягнення суб'єктами господарювання. Обидва ці напрями мають серйозні підстави і потребують глибоких досліджень [2, с.11.].

До економічних злочинів відносять злочини, що вчиняються в економічній сфері і які мають в якості прямого мотиву економічну вигоду. Окрім того вважають, що економічна злочинність зазвичай носить тривалий характер, здійснюється систематично і вчиняється в межах легальної господарської діяльності [3, с.190]. До злочинів економічного характеру зазвичай відносять злочини проти власності, господарські та посадові злочини.

При характеристиці економічних злочинів виходять з того, що це систематично і тривало здійснюване під прикриттям легальної господарської діяльності протиправне діяння в економічній сфері. Проте ні методи, ні суб'єкти злочинних дій в даному контексті не розглядаються. Відповідно, в цьому випадку треба враховувати, що злочин може вчинятися як під загрозою застосування насилля по відношенню до суб'єктів господарювання з боку організованого злочинного угруповання, так і самим суб'єктом господарювання із корисливого умислу. В разі вчинення економічних злочинів завдається вплив на об'єкти економічної безпеки, якими може виступати держава в цілому, її економічна система,

суспільство з його інститутами та окрема особа, а також природні багатства країни.

Можна погодитися з нашими білоруськими колегами в тому, що суб'єктами економічних злочинів в сучасних умовах можуть бути: юридичні особи (підприємці, фірми, фонди та добродієнні організації, державні підприємства і їх керівники, котрі здійснюють від імені підприємства господарські операції, співробітники державних організацій та установ); фізичні особи, що професійно виконують роботу економічного характеру; організовані злочинні співтовариства та групи; суб'єкти господарювання зарубіжних країн, громадські, урядові і неурядові організації та установи, спецслужби, державні органи, що вступають в економічні відносини. [4, с.166-167.]

На підприємствах різних форм власності в процесі господарської діяльності вчиняються різноманітні економічні злочини. Їх можуть вчиняти як навмисно, так і внаслідок невміння здійснювати виробничу, комерційну діяльність, внаслідок поганого знання законодавства, безвідповідальності і безгосподарності. Економічні злочини можуть вчиняти з корисливих спонукань або за іншими мотивами. Розповсюдженими видами корисливих мотивів є зловживання службовим становищем та наданими повноваженнями, свідоме викривлення звітності та завищення собівартості продукції для ухилення від оподаткування, обман ділових партнерів. У багатьох випадках економічні злочини вчиняють за участю працівників органів державної влади та управління, що значно підвищує небезпеку таких злочинів для суспільства.

Особливості порядку здійснення економічної діяльності визначаються специфікою від-

носин, що існують в певній сфері цивільних правовідносин. Не дивлячись на різноманіття таких відносин, всі вони підкоряються певним правилам, що є спільними для всіх учасників економічної діяльності. А тому, до економічних злочинів треба віднести злочини проти загального порядку здійснення економічної діяльності та злочини проти порядку здійснення діяльності у певних сферах економіки. Злочини цієї категорії вчиняються в процесі професійної діяльності управлінців – ділової еліти суспільства, їм притаманний висококваліфікований характер, складність, багатоепізодичність схем вчинення, використання ефективних засобів нейтралізації правового контролю.

Визнання об'єктивного характеру існування економічних злочинів потребує дуже ретельного, навіть прискіпливого підходу до їх аналізу, виявлення умов їх виникнення та поширення, оскільки саме таким чином можна визначити дійсні реальні причини даного злочину, а також здійснити розроблення системи обґрунтованих заходів щодо їх запобігання та поширення. Різноманітність економічних злочинів та способів їх вчинення зумовлює багаточисельні напрями та особливості діяльності правоохоронних органів. За всього їх різноманіття вони мають спільну основу, котра визначає та зумовлює й спільність підходів до їх виявлення, розкриття й розслідування. Це дає змогу фахівцям розробити відповідні методики з виявлення, припинення, розкриття й розслідування злочинів та їх профілактики.

Ми поділяємо погляди Н. Гаджиева стосовно наявності типових рис сучасних злочинів в сфері господарської діяльності, якими є те, що: вони вчиняються при виконанні службових

обов'язків і в зв'язку, за правилом, з професійною діяльністю як посадовими, так і не посадовими особами; вони пов'язані з виконанням виробничих операцій і з діяльністю інших працівників, а отже, формують певну інформацію; вони можуть вчинятися як навмисно, так і з необережності і обов'язково супроводжуються порушенням встановлених правил (статутів, нормативів), що регламентують конкретну сферу діяльності; злочинні дії за звичне вчиняються і маскуються з фіксацією певних процесів в документах або без складання документів, що залишає відповідні сліди; результатом економічного злочину є певна шкода у формі матеріальних втрат та збитків, погіршення фінансового стану підприємства, часто пов'язаного із зниженням якості його продукції; діяльність конкретних працівників, що вчиняють злочин, перевіряється відомчими та позавідомчими контролюючими органами, в матеріалах яких також можуть міститися ознаки злочинів; ці злочини найчастіше мають тривалий характер, здійснюються систематично, в межах господарської діяльності суб'єктів господарювання; у кожного економічного злочину утворюється сталий і своєрідний «почерк» [2, с.12]. Отже, спираючись на ці криміналістичні положення, можна розробляти загальну та окремі методики виявлення, розкриття та розслідування економічних злочинів, запобігання їх вчиненню.

Кожний окремих злочин є одиничним фактом прояву негативного суспільного явища, а саме – економічної злочинності. До цієї групи входять злочини, що передбачені кримінально-правовою кваліфікацією різних статей кримінального кодексу і навіть різними його розділами. Істотними ознаками, що дають

підстави для об'єднання таких злочинів у єдину криміналістичну групу є те, що в усіх випадках суб'єктами злочинів є працівники управлінських, виробничих, підприємницьких, комерційних та інших структур, що виконують свої виробничі та розпорядчі функції в галузі економіки. Злочини цієї категорії вчиняються суб'єктами економічної діяльності в зв'язку з виконанням професійних функцій. Такі злочини не згруповані вітчизняним законодавцем до одного розділу і не дано визначення поняття економічні злочини. Законодавча класифікація злочинів не завжди збігається з їх кримінально-правовою, криміналістичною, а також тією, що наводиться в науковій та навчальній літературі. Вироблення єдиних підходів до визначення економічних злочинів в їх кримінально-правовому та криміналістичному розумінні має важливе значення для правильної кваліфікації злочину та обрання криміналістичних засобів і методів виявлення й розслідування з врахуванням всіх особливостей.

Використані джерела:

1. Статистика по економічним злочинам керівників за 2011 рік. Код доступу: <http://svit24.net/economic/71-ekonomich/10570-statystyka-po-ekonomichnym>
2. Гаджиев Н. Современная экономическая преступность: экспертно-ревизионные аспекты / Н. Гаджиев // Российская юстиция. № 11, 1995. – С.11-13.
3. Пузиков В.В. О соотношении понятий экономическая и беловоротничковая преступность / В.В. Пузиков // Теоретическое и правовое обеспечение реформы в сфере борьбы с преступностью в республике Беларусь / Материалы международной

научно-практической конференции (Минск, 22-23 апреля 1999 г.). – Минск: «Право и экономика», 1999. – С.189-193.

4. Моисеенко Е.Г. Экономическая безопасность как основа комплексной оценки и системного противодействия экономической преступности // Теоретическое и правовое обеспечение реформы в сфере борьбы с преступностью в республике Беларусь / Материалы международной научно-практической конференции (Минск, 22-23 апреля 1999 г.). – Минск: «Право и экономика», 1999. – С.164-169.

ПРИНЦИП ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Л. ФЕДОСЬЕВА,

докторант Института истории, государства и права АНРМ, мастер права, старший преподаватель кафедры публичного права Славянского университета

SUMMARY

Presumption of innocence - one of the most important principles not only for the practice of criminal justice, but it also affects the process of improving the legislation. The presumption of innocence suggests that a person may be arraigned on a criminal charge or brought in the verdict of guilty with the appointment of just punishment, not only with compelling evidence of his guilt, but also in their evidence. It is the prosecutor's duty to criminate the guilt of the accused. It should be noted that the principle studied is really a guarantee against unreasonable conviction has been provided by the state.

* * *

Презумпция невиновности - один из важнейших принципов, имеющих значение не только для практики уголовного судопроизводства, но также влияющий на процесс совершенствования законодательства. Презумпция невиновности предполагает, что лицо возможно привлечь к уголовной ответственности, вынести обвинительный приговор с назначением ему справедливого наказания не только при наличии неопровержимых доказательств его виновности, но и при их доказанности. Обязанность доказывания виновности обвиняемого лежит на том, кто его обвиняет – на прокуроре. Следует отметить, что исследованный нами принцип действительно является гарантией от необоснованного осуждения.

Принцип презумпции невиновности относится к числу общепризнанных принципов уголовного правосудия (ч. 1 Ст. 11 Всеобщей декларации прав и свобод человека, ч. 2 Ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ч.2 Ст. 6 ЕКПЧ) и является основополагающим кредо всякого цивилизованного государства. Согласно ст. 21 Конституции Республики Молдова любое лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все необходимые гарантии для защиты. Этот же текст нашел отражение и в ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова [1].

Но, прежде чем раскрыть содержание и сущность самого принципа, считаем необходимым вначале обратиться к самому понятию «презумпция», определить ее виды, рассмотреть историю исследуемого принципа.

Так, согласно мнению А.В. Полякова, юридические факты, лежащие в основе конкретных правоотношений, далеко не всегда являются явными и очевидными для всех. Но предположение об их существовании, исходя из определенных наличных фактов, устанавливается законодателем в целях нормального функционирования правовых отношений

и действует до тех пор, пока не будет опровергнуто в установленном порядке. Подобные предположения и называются **юридическими презумпциями**. Таковы презумпция невиновности, презумпция права собственности на вещь у лица, владеющего вещью, презумпция отцовства лица, находящегося с женщиной в зарегистрированном браке в момент рождения ребенка и др. Презумпции могут быть общеправовыми (презумпция знания законов) и отраслевыми, например, материальными и процессуальными презумпциями каких-либо отраслей права [2].

Современные юристы, по мнению В.М. Абдрашитова, считают презумпциями, в собственном смысле, лишь такие предписываемые законом обязательные презумпции, которые допускают доказательство противного, т.е. обязательные для судьи лишь в том случае, если такого доказательства не последует (юридические презумпции – *praesumptiones juris tantum*), которые, по мнению Е.И. Темнова, являются презумпцией опровержимого типа, или презумпцией, «проистекающей из первого впечатления». Отдельные авторы исключают из области юридических презумпций и те общие положения (предположения) или общие принципы, которые служат основаниями судейской деятельности, ее исходными пунктами при определении отношения судьи к участникам процесса: например, каждый человек считается добросовестным и добропорядочным, находящимся в здравом уме и твердой памяти, пока противное (обратное) не доказано; каждый акт (т.е. действие, вытекающее из договора) считается возмездным, пока дарственный характер его не будет доказан и т.д. Эти пре-

зумпции считаются общими, т.е. базовыми, исходными пунктами современной человеческой мысли вообще, а не только мысли и идеи участника процесса, прокурора, судьи, и потому сами эти предположения по сути фактические. Таким образом, к числу собственно юридических презумпций относятся специальные указания (положения выводного типа) закона на отношение к сторонам в праве и процессе, облегчающие ему оценку их отношений: такими, например, являются положения, приведенные выше, имеющие в виду предположение о добросовестном отношении к своим обязанностям каждого человека. Указанные выше исторические и правовые положения, а также представленные виды презумпций заложили основу целой системы правовых презумпций, среди которых можно выделить пять основных видов: убедительные презумпции, доказательственные презумпции, неопровержимые правовые презумпции, разрешительные и презумпции факта [3].

В молдавском гражданском, уголовном и административном процессе все презумпции опровержимые и отражаются в нормах соответствующих отраслей права.

Так, согласно презумпции невиновности предполагается, что каждый гражданин является честным, добропорядочным и ни в чем не виновным, пока не будет определенным в законодательстве способом доказано иное, при условии, что бремя доказывания противного лежит на тех, кто обвиняет лицо, а сам гражданин не обязан доказывать свою невиновность. Указанная презумпция относится к категории опровержимых презумпций, поскольку при доказательстве виновности лица презумпция невиновности прекращает свое действие и считается опровергнутой. Эта презумпция относится к категории обычных правовых презумпций, поскольку их содержание, смысл и правовые последствия вытекают непо-

средственно из права и характера правоотношений, урегулированных им, причем указанные следствия усматриваются в доказательственном праве и США, и Англии. Поскольку презумпция невиновности относится к категории опровержимых, о данном виде презумпции стоит сказать следующее. Во-первых, этот вид не может быть *praesumptio fortior* (более сильной презумпцией), поскольку данная презумпция опровержима и не «уничтожается» доказательством обратного. Не может она также считаться *praesumptio violenta* (простой сильной презумпцией), поскольку только простую сильную презумпцию право считает имеющей преимущественное значение. Значит, данная презумпция не может быть и полным, окончательным доказательством, так как только сильная презумпция приравнивается к полному доказательству. Таким образом, по своей силе презумпции опровержимого типа могут быть подразделены на два типа: простые сильные презумпции и более сильные презумпции. Данной классификации презумпций нет ни в российском, ни в молдавском законодательстве, при этом следует отметить, что данная классификация характерна для американского и английского доказательственного права. Во-вторых, данный вид презумпций является обыкновенной презумпцией, т.е. *praesumptio hominis*, а значит обыкновенной человеческой презумпцией, которая проистекает из обычного течения социальных отношений, обыкновения взаимоотношений между людьми по различным основаниям, поскольку презумпция проистекает из того, что происходит обычно много раз (*praesumptio ex quod plerumque fit*), а презумпции, проистекающие из права или судебной практики, являются *praesumptio juris* – обыкновенными правовыми презумпциями. В-третьих, суть презумпции не может быть и не должна сводиться к точным сведениям о вещах или фактах, событиях или участниках отно-

шений, поскольку презумпция представляет собой всего лишь сведения о фактах, высказанные людьми по предмету спора, так как *praesumptiones sunt conjecturae ex signo verisimii ad probandum assumptae*, т.е. презумпция представляет собой лишь суть предположения, вытекающего из вероятных сведений, принимаемых за основу для целей доказывания. В-четвертых, данный вид презумпции существует при наличии противоречивых взглядов (противоположных по сути) на факты или события без полного доказательства их существования, что используется для доказательства справедливости или виновности участников социальных отношений, урегулированных нормами права, поскольку существует презумпция в пользу справедливости приговора, законности, отрицания ответчика [3].

Еще в III в. н.э. римский юрист Павел сформулировал правило: *ei incumbit probatio, qui dicit, non qui lie-gat* – доказывать обязан тот, кто утверждает, а не тот, кто отрицает [4].

Как общественно-политическая идея она зародилась незадолго до Великой французской революции XVIII в. и пришла в уголовный процесс из политики. Ее выдвинула в качестве политического лозунга, наряду с отжившему инквизиционному пыточному судопроизводству, королевскому произволу и бессрочному заточению в тюрьму без суда и следствия. В своем изначальном виде презумпция невиновности формулировалась в виде следующего требования, закрепленного в ст. 9 Декларации прав человека и гражданина Франции 1789 г.: «Так как каждый человек предполагается невиновным, то в случае необходимости его ареста всякая строгость, которая не является необходимой для обеспечения (за судом) его личности, должна быть строго караемая законом» [5].

Основоположником глубокой разработки принципа презумпции невиновности в Российской науке уголовного процесса явля-

ется профессор М.С. Строгович, который на наш взгляд дает емкое определение презумпции невиновности: «... всякий гражданин считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законном порядке» [6].

Изначально молдавский УПК 1961 г. не закреплял этот принцип, он был введен лишь в 3 ноября 1994 г., ст. 4¹ УПК РМ, предусматривала положение, согласно которому, любое лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все необходимые гарантии для защиты [7].

Ныне действующий УПК РМ в ст. 8 закрепляет следующие положения: любое лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законном порядке путем гласного судебного разбирательства с обеспечением лицу всех необходимых гарантий для своей защиты и пока его виновность не будет определена окончательным обвинительным приговором; никто не может быть обязан доказывать свою невиновность; выводы о виновности лица в совершении преступления не могут основываться на предположениях. Все сомнения в доказательстве вины, которые невозможно устранить согласно закону, должны толковаться в пользу подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

В данном случае следует отметить, что редакция УПК РМ и 1961 г., и 2003 г. по сути, одинаково формулируют презумпцию невиновности, с тем лишь отличием, что редакция 2003 г. более полно раскрывает смысл исследуемого принципа.

По мнению А.В. Ендольцевой, формулировка презумпции в законодательстве - это идеальная гарантия того, что к ответственности будут привлечены виновные лица по приговору суда при

использовании демократической процедуры [8].

С реализацией презумпции невиновности связано несколько процессуальных проблем доказательственного характера, имеющих довольно давнюю историю. Л.Е. Владимиров в конце XIX века писал: «... о его (бремени доказывания) распределении на предварительном следствии не может быть и речи: здесь расследуется дело официально представителем государства, который обязан собирать доказательства не для иной цели, как только для сущей истины» [9].

Как разъясняют Европейский Суд и Комиссия по правам человека, процедура опровержения презумпции невиновности зависит от того, «что поставлено на карту», т.е. от того, какие правовые последствия ожидают обвиняемого. Если обвиняемому угрожает уголовное наказание, то презумпция невиновности должна опровергаться только приговором суда, постановленным в результате гласного судебного разбирательства с соблюдением всей процессуальной процедуры, гарантирующей справедливость разбирательства и постановление приговора. Если же обвиняемый может быть освобожден от уголовной ответственности и наказания, то процедура опровержения презумпции его невиновности может быть и иной, но обвиняемому при этом, безусловно, должны быть предоставлены все средства защиты от обвинения. Анализ решений Европейского Суда по поводу жалоб на нарушение презумпции невиновности показывает, что в них вопрос о наличии или отсутствии нарушения презумпции невиновности тесно связывается с вопросом о том, была ли предоставлена обвиняемому возможность защищаться от предъявленного обвинения. Так, нарушение презумпции невиновности усматривалось, в частности, в тех случаях, когда официальные органы констатировали виновность гражданина, но при этом отказывали ему в надлежащем судебном разбира-

тельстве на основании того, что ему не угрожает наказание [10].

Презумпция невиновности выражает собой не личное мнение того или иного лица, ведущего производство по делу, а **объективное правовое положение**. Прокурор, который формулирует обвинение, предъявляет его обвиняемому, составляет обвинительное заключение, приходит в суд поддерживать обвинение, конечно же, считает обвиняемого виновным, убежден в этом, иначе он не поступали бы таким образом. Обвиняемого невиновным считает закон, который возможность признания его виновным связывает с таким порядком судопроизводства, при котором происходит полное и всестороннее судебное исследование всех обстоятельств дела на основе гласности, устности, равноправия сторон и состязательности, других демократических принципов процесса, т.е. с обязательным проведением судебного разбирательства — стадии, где сосредоточены максимальные гарантии прав и законных интересов обвиняемого и проверки доказанности обвинения. Только тогда, когда по делу состоялось судебное разбирательство и вынесенный судом обвинительный приговор вступил в законную силу, государство принимает на себя ответственность за правильность признания подсудимого виновным и его осуждения. В этом и заключается сущность принципа презумпции невиновности как объективного правового положения, которое обязательно для всех лиц, ведущих судопроизводство, а также и всех иных учреждений, организаций, должностных лиц и граждан, которые не имеют права поступать с обвиняемым как с виновным [11].

Принцип презумпции невиновности определяет правовой статус обвиняемого не только в уголовном процессе, но и во всех общественных отношениях, в которых он выступает в качестве одного из субъектов. До вступления приговора в законную силу за обвиняемым, содержащимся

под стражей, сохраняется право на участие в выборах, право на пользование жилым помещением, его никто не может уволить с работы или отчислить из учебного заведения ввиду его виновности в совершении преступления. Считаем это верным, так как признание лица виновным в совершении преступления составляет исключительную прерогативу суда, привлечение к делу в качестве обвиняемого не порождает начала реализации уголовной ответственности. Уголовная ответственность может быть возложена только приговором суда на лицо, виновность которого доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Действие презумпции невиновности выражается в следующих важнейших правилах судопроизводства:

1) обязанность доказать виновность лица, т.е. представить доказательства, убеждающие суд в виновности лица, лежит на том, кто утверждает, что обвиняемый виновен в преступлении, т.е. на обвинителе;

2) обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность;

3) обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана;

4) неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого

Это правило распространяется и на стадию уголовного преследования по делу.

Термин «виновность» в законодательной формуле этого принципа применяется как обобщающая категория, характеризующая совершение лицом преступления и признание его виновным в нем.

Все сомнения в доказанности обвинения (подозрения), которые не представляется возможным устранить, разрешаются в пользу обвиняемого (подозреваемого). Это может влечь за собой прекращение дела, изменение объема обвинения, изменение квалифи-

кации содеянного [10].

Правило об истолковании сомнений – это одновременно и запрет, и требование несомненной доказанности вины обвиняемого. Если имеются сомнения в доказательствах, виновность не может быть объективно обоснована. Презумпция невиновности по ее смыслу соотносит доказанную и недоказанную вину с итогом всего процесса доказывания о вине, а сам процесс доказательства контролируется совсем другим принципом: любое аксиоматическое утверждение нельзя использовать в дальнейших рассуждениях, если не доказана его истинность [8].

Презумпция невиновности отвергает обвинительный уклон во всех формах его проявления и служит важным гарантом права обвиняемого на защиту. Обвиняемый наделяется правом защищаться от предъявленного обвинения именно потому, что до вступления приговора в законную силу он считается невиновным. Презумпция невиновности освобождает обвиняемого от обязанности доказывать свою невиновность, препятствует переоценке сознания обвиняемого и действует независимо от того, признает ли он себя виновным. Презумпция невиновности служит не только гарантией для обвиняемого от необоснованного обвинения и осуждения. Ее требования о несомненной доказанности обвинения и истолковании неустранимых сомнений в пользу обвиняемого нацеливают органы государства на объективное, беспристрастное установление обстоятельств дела, без чего невозможно обоснованное и справедливое решение дела судом. Малейший отход в сторону от презумпции невиновности ведет к нарушению законности в правосудии и ущемлению прав и законных интересов граждан [10].

Таким образом, принцип презумпции невиновности в отечественном уголовном процессе отличается исключительной глубиной содержания.

Удачным, на наш взгляд, яв-

ляется позиция Н.А. Громова, который детализирует то, каким образом реализуется принцип презумпции невиновности на различных стадиях уголовного процесса. Действие презумпции невиновности в досудебной стадии уголовного судопроизводства не означает, что лицо, производящее уголовное преследование, должно считать невиновным того, кому предъявлено обвинение. Речь идет о другом. Государство до вынесения судом обвинительного приговора не признает обвиняемого виновным. Поэтому органы уголовного преследования, прокурор, предъявив лицу обвинение, должны доказать правдивость этого обвинения, его обоснованность. Только при этом условии их деятельность по раскрытию преступления и изобличению лица, совершившего преступление, увенчается успехом, в отношении обвиняемого будет вынесено соответствующее решение о привлечении его к суду. В противном случае, дело будет производством прекращено или завершится вынесением оправдательного приговора.

Действие презумпции невиновности в суде означает, что назначение судебного заседания не предрешает вопроса о виновности его, государство и здесь не считает его виновным, пока суд не признает доказанным обвинение и не вынесет обвинительный приговор. Но для того, чтобы суд признал обвиняемого виновным, его вина должна быть доказана или, иначе говоря, презумпция невиновности опровергнута.

Презумпция невиновности не только не ограничивает инициативу органов уголовного преследования и прокурора в борьбе с преступностью, а наоборот, требует активной деятельности со стороны государственных органов в доказывании виновности обвиняемого.

При этом надо особо отметить, что если стороны ведут доказывание того или иного тезиса (обвинитель — виновности обвиняемого, защитник — невиновности или обстоятельств,

смягчающих ответственность), то суд не вправе становиться на позиции обвинения или защиты. Он исследует обстоятельства дела, устанавливая истину при помощи сторон и используя доказательства. Презумпция невиновности для суда означает запрет вести доказывание, ориентируясь на тот или иной тезис [12].

Презумпция невиновности основывается на принципе законности – преступность деяния и его наказуемость определяются только Уголовным кодексом («*nullum crimen nulla poena sine lege*»). Таким образом, презумпция невиновности – важнейшая гарантия от необоснованного осуждения. Этот принцип обязывает должностные лица, ответственные за производство по делу, доказать виновность лица в совершении преступления, соблюсти процедуру установления виновности лица. Содержание принципа презумпции невиновности складывается из двух компонентов, составляющих необходимые условия, лишь при наличии которых лицо может быть признано виновным в совершении преступления.

1. Первый компонент определяет правила доказывания виновности лица в совершении преступления: подозреваемый, обвиняемый, подсудимый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана надлежащими органами уголовно-процессуальной деятельности путем собирания, предъявления, оценки и проверки доказательств, в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом с соблюдением требованием всех уголовно-процессуальных норм. Доказывание виновности лица в совершении преступления должно осуществляться участниками уголовного процесса со стороны обвинения – лицами, осуществляющими уголовное преследование (прокурор, органами уголовного преследования), а также потерпевшим, гражданским истцом.

Никто не может быть обязан доказывать свою невиновность. Важнейшая предпосылка, не-

обходимая для признания лица виновным в совершении преступления, - это необходимость осуществления доказывания по уголовному делу теми доказательствами, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законом и получены по правилам, этим законом регламентированным. Доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона, недопустимы и не могут быть положены в основу обвинения [13].

В данном случае считаем необходимым определить лицо, которое обеспечивает реализацию данного принципа на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Ответственным должностным лицом в данном случае выступает прокурор. Так, в соответствии со ст. 51 УПК РМ, прокурор является должностным лицом, осуществляющим в пределах своей компетенции от имени государства уголовное преследование, представляющим обвинение в суде и выполняющим другие обязанности.

Полномочия прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства в соответствии со ст. 52 УПК РМ применительно к теме настоящего исследования сводятся к следующему:

1) начинает уголовное преследование и распоряжается об осуществлении уголовного преследования, отказывает в осуществлении уголовного преследования или прекращает его;

2) непосредственно осуществляет уголовное преследование в соответствии с законом;

3) лично осуществляет руководство уголовным преследованием и контролирует законность процессуальных действий органа уголовного преследования, принимает решения об исключении из дела доказательств, полученных в соответствии с положениями части (1) статьи 94;

4) проверяет качество доказательств, осуществляет надзор за тем, чтобы каждое преступление было раскрыто, каждый преступник был привлечен к уголовной

ответственности, и ни одно лицо не было подвергнуто уголовному преследованию при отсутствии обоснованных признаков совершения им преступления;

5) отменяет незаконные и необоснованные постановления органа уголовного преследования;

6) присутствует при производстве любого действия по уголовному преследованию либо производит его лично;

7) прекращает уголовный процесс, распоряжается о выведении лица из-под уголовного преследования или прекращает производство по уголовному делу в случаях, предусмотренных законом;

8) предъявляет обвинение и допрашивает обвиняемого на основании доказательств, представленных органом уголовного преследования, либо на основании собранных им лично доказательств;

9) составляет обвинительное заключение по уголовному делу, вручает его копию обвиняемому, а дело направляет в компетентную судебную инстанцию [14].

2. Второй компонент, который в совокупности с вышеказанным обуславливает прекращение действия презумпции невиновности в отношении отдельного гражданина, - установлении невиновности лица в совершении преступления вступившим в законную силу приговором суда. Правосудие по уголовным делам в Республике Молдова осуществляется только судебными инстанциями, поэтому признать лицо виновным в совершении преступления может только судебная инстанция. Это означает, что обвинительный приговор в отношении конкретного лица должен быть вынесен в судебном заседании надлежащим составом суда с соблюдением требований УПК РМ. И только вступление в законную силу обвинительного приговора (решение судебной инстанции по уголовному делу приводится в исполнение со дня признания его окончательным) прекращает действие презумпции невиновности в отношении подсудимого – с этого момента

он считается виновным в совершении преступления [13].

Несмотря на то, что ответственным за реализацию данного принципа в стадии судебного разбирательства, по мнению многих авторов, выступает именно суд, считаем, что прокурор также является лицом, обеспечивающим реализацию принципа презумпции невиновности. Это подтверждается положениями УПК РМ. При рассмотрении уголовного дела судебной инстанцией прокурор: поддерживает обвинение от имени государства и представляет в судебном заседании соответствующие доказательства по делу, собранные в ходе уголовного преследования, которым он руководил или которое лично осуществлял; участвует в рассмотрении доказательств, представленных стороной защиты, представляет новые доказательства, необходимые для подтверждения обвинения, заявляет ходатайства и высказывает свое мнение по вопросам, возникшим в ходе судебного разбирательства [14].

Согласимся с мнением В.М. Абдраштова, который отмечает, что презумпция невиновности, закрепленная в ч.2 ст. 6, является одним из элементов справедливого судебного разбирательства, о котором говорит ч.1 ст. 6 (см. в частности, решение по делу Девеер против Бельгии от 27 февраля 1980 г.: сер. А, т. 35, с.30, п. 56 и решение по делу Минелли: с.15, п.27). Этот принцип в любом случае нарушается, если суд объявит обвиняемого виновным в то время, как его виновность не была предварительно доказана. Однако сфера применения ст. 6, ч.2 не ограничивается ситуацией, обозначенной выше. Действительно Суд констатировал нарушение принципа в деле Минелли; национальный суд, рассматривавший это дело, прекратил его: в связи с истечением срока давности. Кроме того, Суд установил, что эта статья применима к ряду других дел, по которым национальные суды не выносили решения о виновности (см. решения по делу Лутц против Феде-

ративной Республики Германии от 25 августа 1987 г.: сер. А, т. 123-В и 123-С). Думается, что это касается и права, закрепленного ст. 6, ч.2, и в связи с этим посягательство на презумпцию невиновности может исходить не только от судьи или от суда, но и от других публичных властей, даже от обыкновенных граждан, которые распространяют сведения, не установленные судом о виновности лица [15].

Данное мнение можем подтвердить и другим примером. Так, по делу Петру Попович против Молдовы (Постановление от 27. 11.2007г.), ЕСПЧ отмечает, что Высшая судебная палата как кассационная инстанция, являлась компетентной принять новое решение по существу дела. Но после отмены оправдательного приговора, принятого первой инстанцией, Высшая судебная палата рассмотрела обвинения против заявителя, приговорив его к пожизненному заключению, не рассмотрев доказательств, представленных заявителем лично, либо в его присутствии в открытом судебном заседании с целью обеспечить состязательность судебных разбирательств. Таким образом, суд не считает, что проблемы, которые должны были быть разрешены Высшей судебной палатой, при вынесении приговора и отмена оправдательного приговора Апелляционного суда, могли быть рассмотрены соответствующим образом без рассмотрения доказательств, представленных заявителем лично. В связи с вышеуказанным суд считает, что имело место нарушение статьи 6 ч.1 Конвенции. (В отношении нарушения статьи 6 части 2 Конвенции суд подчеркивает, что презумпция невиновности, гарантированная данной статьей, является одним из элементов справедливого процесса, предусмотренного статьей 6 ч.1. Конвенции. В связи с этим суд подчеркивает значимость заявлений официальных лиц перед осуждением лица и признанием его виновным в совершении преступления (Daktaras против

Литвы, № 42095/98, ч.41, CEDO 2000 X). Впоследствии заявление г-на Гурбля (генпрокурора) представляло собой утверждение о виновности заявителя. Соответственно имело место нарушение статьи 6 ч.2 Конвенции. Суд *постановил*:

- имело место нарушение ст. 6. ч.1 Конвенции по мотиву отсутствия слушания дела перед Высшей судебной палатой;

- нет необходимости рассматривать отдельно остальные жалобы заявителя в соответствии со статьей 6 ч.1 Конвенции;

- имело место нарушение статьи 6 ч.2 Конвенции [16].

Из представленного примера, мы видим, что произошло нарушение принципа презумпции невиновности при рассмотрении дела в кассационном производстве. Причем нарушили этот принцип, как суд, так и представлявший обвинение Генеральный прокурор.

Таким образом, презумпция невиновности - один из важнейших принципов, имеющий значение не только для практики уголовного судопроизводства, но также влияющий на процесс совершенствования законодательства. Презумпция невиновности предполагает, что лицо возможно привлечь к уголовной ответственности, вынести обвинительный приговор с назначением ему справедливого наказания не только при наличии неопровержимых доказательств его виновности, но и при их доказанности. Обязанность доказывания виновности обвиняемого лежит на том, кто его обвиняет – на прокуроре. Следует отметить, что исследованный нами принцип действительно является гарантией от необоснованного осуждения, предоставляемый государством.

Литература:

1. Осояну Т. Вестник Славян-

ского Университета. Редкол. Чумак Л.Г., Милушев Д.В., Скорцеску К.Ф. и др. К.: Valinex SA, 2008. С. 95-96.

2. Поляков А.В. Общая теория права. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс. 2003, С. 765-766.

3. Абдрашитов В.М. Природа и типология правовых презумпций. В: Закон и право. 2007. №5. С. 26, 28-29

4. Ларин А.М. Презумпция невиновности. Москва. 1982, С. 47

5. Безлепкин Б.Т. Комментарий к УПК РФ (постатейный). Москва. 2002. С.25

6. Строгович М.С. Уголовный процесс Москва. 1946. С. 158- 160.

7. Уголовно-Процессуальный Кодекс МССР 1961 года. Закон Молдавской ССР принят Верховным Советом МССР 24 марта 1961 года/ Кишинев, 1996. Ст. 4¹.

8. Ендольцева А.В, Уголовный процесс. Под ред. А.В. Ендольцевой, О.А, Галустяна. 2-е изд. Москва: Юнити-Дана, 2008. С. 34, 35

9. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С.162

10. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник. Отв. ред. П.А. Лупинская. Москва: Юристъ, 2001. 696 с. <http://ufa.muh.ru/scanbook/0080/0080.3.htm>

11. Савицкий В.М. Презумпция невиновности: что означает? Кому нужна? Как применяется? М.: Норма, 1997.

12. Громов Н.А. Уголовный процесс России. Учебное пособие. Москва: Юристъ, 1998. 552 с <http://ufa.muh.ru/scanbook/0080/0080.1.htm>

13. Кисеев, Н.М. Уголовный процесс: Учебное пособие/ Н.М. Кисеев.,-К: Монограф, 2006. С.139-140

14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова: Закон РМ: принят Парламентом от 14 марта 2003 г. //Monitorul Oficial. – 2003. – 7 июня. - № 122-XV., ст. 52,53

15. Абдрашитов В.М. Проблемы реализации принципа презумпции невиновности и защита прав человека. В: Закон и право. 2007, № 10. С. 23

16. Петру Попович против Молдовы. Бюллетень Высшей судебной палаты, 2009, №9. С.36-38

ИНФОРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

С. ГРИЦУК-БУЧКА,
старший преподаватель кафедры публичного права
Славянского университета

«Кто владеет информацией, тот владеет миром»
Н.Ротшильд, У. Черчилль

SUMMARY

The information is a fundamental philosophical category, but in the XX-th century has essentially expanded the maintenance and essence. Development of information-communication resources promoted intensive growth of information development of all mankind. This paper presents a study of the status of information as an object of legal.

Информация, являясь фундаментальной философской категорией, в XX веке существенно расширила свое содержание и сущность. Развитие информационно-коммуникационных ресурсов способствовало интенсивному росту информационного развития всего человечества. Информация вышла на первое место по важности во всех областях человеческой деятельности как ее основной ресурс.

Утверждение Н.Ротшильда, высказанное им более 200 лет назад, особо актуально в современном мире, постольку информация, обладая товарным характером и выступая в качестве особого объекта правоотношений, становится реальной, почти физически ощутимой силой, а информационные ресурсы приобретают такое же значение для государства, как и иные, непосредственно составляющие его потенциал (природные, финансовые, трудовые и т.д.).

Ражно отметить, разделяя мнение А.А.Снытникова и Л.В.Тумановой, тот факт, что информационное воздействие на государство, общество, граждан сегодня более эффективно и экономично, чем политическое, экономическое и даже военное [25, с.20]. Ярким подтверждением тому служат события 1999 г. в Югославии[19] и Косово[13], информационное противостояние между Японией и КНДР [24]

Понятие «информация» в текстах нормативно-правовых актов использовалось уже давно и достаточно широко, однако самостоятельное значение данное понятие приобрело только лишь в середине 90 гг. прошлого столетия с началом интенсивного развития информационно-

коммуникационных технологий, способствовавших вовлечению большинства государств, включая и Республику Молдова, в глобальные процессы, связанные с информатизацией. Следовательно, с самого начала необходимо различать правовое использование понятия «информации» в его общеупотребительном смысле и, с другой стороны, его использование в качестве центрального понятия для регулирования конкретных правоотношений, непосредственно связанных с информационными процессами в обществе. Потребность в дефиниции, по мнению Е.А.Войниканис, определяющей границы применения понятия, возникает только во втором случае [16].

Самостоятельное значение понятия «информации» тесно связано с перспективой развития рынка информационных и телекоммуникационных технологий - построением «информационного общества». Соответственно, включение в юридическую терминологию понятия «информации», а также интенсивное развитие соответствующей отрасли, «информационного права», напрямую зависит от принятия идеологии «информационного общества», которая ставит перед правовой системой конкретного государства задачу создания наиболее благоприятных с точки зрения законодательства условий для его формирования. В частности, в соответствии с Заявлением о намерениях, подписанным в Любляне в 2002 году странами-членами пакта стабильности для Юго-Восточной Европы, Молдова взяла на себя данное обязательство построить информационное общество, ориентированное на принципах, установленных Уставом ООН, Всеобщей декларации прав человека и Окинавской хартией создания глобального информационного общества 2000г. В контексте всеобщей информатизации политика построения информационного общества в Республике Молдова выступает составной частью государственной политики и содержит описание стратегических целей развития информационно общества, государственной поддержки развития информационно-коммуникационной инфраструктуры, повышения эффективности управления государством, обеспечения свободного доступа и языкового разнообразия, подготовки населения к жизни в информационном обществе.

Право неотделимо от общесоциальных процессов и с необходимостью реагирует на происходящие изменения в реалиях современной жизни общества. В частности, оно, как отмечает Е.А.Войниканис ««переводит» на собственный язык новые со-

циальные и экономические константы, которые начинают тем или иным образом определять жизнь общества.» [16]. Именно так в правовом поле появляются новые объекты правового регулирования (к примеру, «информация», «сайт» или «доменное имя»). Вхождение нового объекта в общую систему правовых норм сопровождается выработкой его легальной дефиниции.

Первой отраслью права, существенно «отреагировавшей» на необходимость закрепления правового статуса информации, выступило гражданское право. Термин информация стал встречаться в контексте объектов права интеллектуальной собственности (коммерческая тайна, ноу-хау). Однако, легальное определение «информации» в Гражданском кодексе Республики Молдова в настоящее время отсутствует, к тому же информация не выделена законодателем в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, что не скажешь о Гражданском кодексе Российской Федерации. Российский законодатель в ст.128 ГК РФ включил «информацию» в перечень видов объектов гражданских прав [10]. Иными словами, информация выделена в самостоятельный вид объектов, однако никакие специфические качества, благодаря которым такое выделение производится, в Кодексе не приводятся. В ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь конкретизировано специфическое качество информации рассматриваемой в качестве объекта гражданских прав - «охраняемая информация» [11]. Однако, при буквальном прочтении данных Кодексов (главы 6 которых содержат не только перечень видов объектов гражданских прав, но также их общую характеристику) к информации следует относиться только служебную и коммерческую тайну [16]. Положение, закрепляющее статус информации в качестве объекта гражданских прав, содержится также в ст. 177 Гражданского ко-

декса Украины [12], однако тоже без соответствующей специфики.

А. П.Сергев и Ю.К.Толстой, в частности, рассматривая информацию в качестве объекта гражданского права, выделяют следующие характерные признаки [23, с.276]:

- является идеальным компонентом бытия, т.е. благом нематериальным, несводимым к тем физическим объектам, которые выступают ее носителями,

- непотребляемое благо, которое подвергается лишь моральному, но не физическому старению,

- неограниченность в тиражировании, распространении и преобразовании форм ее фиксации,

- отсутствие монополии с позиции закона в отношении обладания и использования информации, за исключением той, которая является одновременно объектом интеллектуальной собственности или попадает под понятие служебной и коммерческой тайны.

Учитывая функциональную и смысловую нагрузку термина информация, В.П.Кузьмин определяет ее как сведения об окружающем мире, которые уменьшают существующую в отношении его степень неопределенности, отчужденные от их создателя и ставшие сообщениями, воспроизводимыми путем передачи субъектами устным, письменным либо другим способом. В таком ее понимании, по мнению В.П.Кузьмина, заложены основные юридические признаки информации [21]:

- информация - это не любые сведения, а лишь те, которые несут нечто новое, уменьшающее имеющуюся неопределенность;

- информация существует вне ее создателя, это отчужденное от него знание;

- информация является сообщением, она выражена на определенном языке в виде знаков;

- информация неисчерпаема, она может иметь неограниченное число пользователей, ис-

пользоваться неограниченное число раз и при этом оставаться неизменной. Это свойство информации предопределяет прогресс человечества, ибо благодаря ему осуществляются постепенное наращивание знаний и передача их от поколения к поколению. Однако оно дает и побочный эффект: возможность произвольного распространения сведений, одновременного нахождения их в полном объеме в нескольких местах и одновременного использования любым количеством субъектов (в том числе и конфликтующими сторонами).

Несмотря на широкое использование информации в качестве предмета регулируемых правом общественных отношений, ее сущность и основные признаки продолжают оставаться в центре дискуссий ученых и специалистов. Как справедливо полагает О.А.Городов, «проблема формирования понятия информации в юридической науке должна решаться в рамках, очерченных представлений об этом феномене в иных областях знания, но с использованием частных категорий юриспруденции и в единстве с ними. Такой категорией является объект правоотношения» [18, с.19].

Учитывая, что формирование «представлений» об информации «в иных областях знаний» еще далеко от завершения, неудивительно, что в раскрытии понятия информации в юридической науке также отсутствует единство.

Так, О.А. Городов при определении информации как объекта права исходит из того, что сущность информации отражает ее синтаксический (представление информации в виде совокупности знаков и отношений между ними), семантический (представление информации в виде отношений между знаками и обозначенными ими объектами) и прагматический (представление информации в виде продукта, создаваемого и используемого людьми в конкретных

обстоятельствах) аспект. Он полагает, что «информация, данная нам в прагматическом аспекте, в полной мере отвечает критерию блага, ибо на первый план в этом случае выходит ее полезность как свойство, служащее удовлетворению публичных и частных потребностей» [18]. Стрельцов А.А. отрицательно относится к использованию данного подхода к изучению информации в качестве объекта права, поскольку «прагматический аспект отражает не столько какие-то особые свойства информации, сколько ее способность служить для удовлетворения потребностей субъектов отношений [26]. Такой прагматический аспект существует у каждой вещи. Он отражает ее потребительские свойства, однако не эти свойства являются объектом вещного права, а сама вещь.

Годин В.В. и Корнеев И.К. сформировали ряд понятий, представляющих дополнительную характеристику информации. В частности:

- достоверность - соответствие данных объективной реальности;

- адекватность - способность информации создавать у получателя соответствующее представление об объекте, процессе или явлении;

- полнота - достаточность данных для понимания сути явления и принятия решения;

- избыточность информации - наличие большого объема сведений, отражающих конкретную сферу, позволяющее для принятия решения использовать лишь часть информации;

- оптимальность - сочетание полноты и краткости данных;

- своевременность - актуальность в момент принятия решений;

- объективность и субъективность информации - степень выражения в предоставляемых данных мировоззрения поставщика информации;

- доступность - это мера возможности получить ту или иную информацию;

- идеальность - информация не материальна, материальным может быть только носитель информации;

- неисчерпаемость - информация не подвержена физическому износу в процессе ее использования;

- ценность - способность расширять возможности потребителя информация [17, с.24-30].

С целью определения границ информации как объекта правового регулирования В.Г.Быкова и К.В.Пителинский делят ее по степени оборотоспособности [15]:

- Информация, изъятая из оборота (нахождение которой в обороте не допускается) и неотчуждаемая. К данной категории, прежде всего, относится государственная, а также личная и семейная тайны;

- Информация, ограниченная в обороте. Сведения либо принадлежат участникам правоотношений, либо их приобретение и отчуждение производится по специальному разрешению. Такая информация определяется самими участниками правоотношения в порядке, установленном законом, в частности, это коммерческая и служебная тайны;

- Информация, не изъятая и не ограниченная в обороте. Может свободно использоваться и распространяться любым лицом. Подобного рода сведения выпадают из экономического оборота и правового поля и не могут выступать в качестве объекта гражданского права

Соответствующее деление информации на различные виды можно провести и в законодательстве Республики Молдова. В частности, анализ ряда нормативно-правовых актов дедуктивным методом дает возможность вывести правовое закрепление следующих категорий информации:

- *информация, изъятая из оборота* и составляющая *государственную тайну* – Закон Республики Молдова «о государственной тайне» [8], ст. 121

Уголовного кодекса Республики Молдова; *личную и семейную тайну* – ст.177 Уголовного кодекса Республики Молдова [2];

- информация, ограниченная в обороте, составляющая *коммерческую, банковскую или налоговую тайну* – ст. 1226 Гражданского Кодекса Республики Молдова [1], ст.129 Налогового кодекса Республики Молдова [4], ст.107 Кодекса о правонарушениях [5], ст. Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова [3]; *военную, служебную, а также информацию конфиденциального характера* – ст. 6 Закон об органах государственной безопасности №619-XIII от 31.10.1995г. [6], ст. 5 Закона о Службе информации и безопасности Республики Молдова №753-XIV от 23.12.1999 г.[7] и т.д. В апреле 2011 года законодатель Республики Молдова Законом №66 от 07.04.2011 г. внес изменения в трактовку положений относительно ряда категорий информации, содержащихся в некоторых законодательных актах, в частности «служебная», «коммерческая», «военная», «информация, конфиденциального характера» или «иная охраняемая законом тайна», заменены общим термином «коммерческая тайна или другая официальная информация ограниченного доступа» [9]. Данное решение, по-нашему мнению является недопустимым и нецелесообразным в силу специфики различного рода информации и тайн.

По форме закрепления информация используется в двух видах: недокументированная и документированная. К первой категории целесообразно отнести: речевую информацию, информацию, выраженную в виде знаков, символов и т.п., не имеющая реквизитов. Документированная информация - это информационное сообщение в бумажном, звуковом или электронном виде, оформленное по определенным правилам и заверенное в установленном порядке, т.е. это зафиксированная на

материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать.

Крайне важно различать «информацию» как термин быденной жизни и как правовую категорию, в которой она не всегда может выступать. В частности, «утечка информации» означает несанкционированный доступ к конфиденциальной информации, «продажа информации» может осуществляться в форме оказания информационных услуг или передачи исключительных прав на использование базы данных, «собственником информации» на самом деле окажется владелец книги или личной библиотеки, «служебная или деловая информация» в виде приказов, договоров, уставов и т.д. есть не что иное, как документы, находящиеся в документообороте вне отношений собственности. В государственно-правовых отношениях информация выступает в идее государственной тайны, имеющей определенные идентифицирующие признаки.

В контексте изучения информации как объекта правового регулирования в законодательстве Республики Молдова важно отметить следующее: легально закрепленное определение «информации» содержится в ст.3 Закона Республики Молдова об информатизации и государственных информационных ресурсах, где под информацией понимаются «сведения о лицах, субъектах, фактах, событиях, явлениях, процессах, объектах, ситуациях и идеях». Отметим, что наряду с определением собственно «информации» Закон также содержит определение «документированной информации», т.е. различает информацию как таковую, как нематериальный объект, и информацию, связанную с материальным носителем. Очевидно, что такое понимание информации не только является предельно узким, но и не отвечает сложившейся практике применения понятия в правовой сфере.

В контексте данного исследования, мнение Войниканис Е.А. очень четко описывает правовую дилемму, существующую как в молдавском, так и в российском законодательстве, «проблема заключается в том, что правовой режим устанавливается только для документированной информации. На конкретные запросы информационного общества такая позиция ответа не дает. Приведенное определение «информации», очевидно, является слишком общим (напоминающим аналогичное определение из «Словаря русского языка» С.И. Ожегова), а последующая «расшифровка» (ограничивающая информационные ресурсы документированной информацией) - слишком частной. Главная же проблема - как и в случае ст.128 ГК РФ - заключается в том, что заявленный в качестве существующего и описанный в этом определении объект правового регулирования так и остается не вписанным в систему гражданско-правовых отношений» [16].

Соответственно от вопроса о правильно сформулированной правовой дефиниции целесообразно перейти к вопросу о взаимосвязи информации с прочими юридическими понятиями и институтами. В связи с последним возникает следующая дилемма: либо необходимость создания особого правового пространства (в том случае, если этого требует специфика нового объекта) [20], либо возможность воспользоваться уже имеющимися правовыми средствами (которые могут оказаться не менее эффективными, чем вновь созданные) [14]. Выступая сторонниками первой точки зрения, считаем целесообразным рассматривать информацию в качестве базового института, такой отрасли права Республики Молдова, как информационное право [22].

Научно-технические открытия последних лет, осознание информации в качестве ресурса жизнедеятельности и развития всех форм жизни, освоение ин-

формации в качестве самостоятельного ресурса, товара, объекта производства и коммерции, все это существенным образом повлияло на понимание и современное восприятие информации. В свою очередь, право выделило и закрепило информацию в качестве особого объекта правового регулирования, характеризующегося специфическими чертами и признаками, и нуждающегося особого правового регламентирования.

Библиография:

1. Гражданский Кодекс Республики Молдова Nr. 1107 от 06.06.2002. Monitorul Oficial Nr. 82-86 от 22.06.2002
2. Уголовного Кодекса Республики Молдова Nr. 985 от 18.04.2002. Повторно опубликован Monitorul Oficial Nr. 72-74 14.04.2009
3. Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Молдова № 122 от 14.03.2003. Monitorul Oficial №104-110 от 12.06.2003
4. Налоговый кодекс Республики Молдова Nr. 1163 от 24.04.1997. Повторно опубликован Monitorul Oficial al Republicii Moldova Специальный выпуск от 08.02.2007
5. Кодекс о правонарушениях Республики Молдова №218 от 24.10.2008. Monitorul Oficial №3-6 от 31.05.2009
6. Закон об органах государственной безопасности №619-XIII от 31.10.1995г. Monitorul Oficial Nr. 10-11 от 13.02.1997
7. Закона о Службе информации и безопасности Республики Молдова №753-XIV от 23.12.1999 г. Monitorul Oficial Nr. 156 от 31.12.1999
8. Закон Республики Молдова о государственной тайне №245-XVI от 27.11.2008. Monitorul Oficial Nr. 45-46 от 27.02.2009
9. Закон о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Nr. 66 от 07.04.2011. Monitorul Oficial Nr. 110-112 от 08.07.2011
10. Полный сборник кодексов Российской Федерации. С изменениями и дополнениями на 15 октября 2007 года. Гражданский Кодекс РФ. Часть первая – М.: Эксмо, 2007 – с. 23
11. Гражданский Кодекс Республики Беларусь. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь <http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=hk9800218&p2={NRPA}> - 05.02.2012
12. Гражданский Кодекс Украины <http://meget.kiev.ua/kodeks/grazdanskiy-kodeks/glava-12/> - 05.02.2012
13. Андреев А., Давыдович С. Об информационном противоборстве в ходе вооруженного конфликта в Косово <http://psyfactor.org/warkosovo.htm>- 05.02.2012
14. Бачило.И.Л. Информация как объект отношений, регулируемых Гражданским кодексом РФ /Сб. НТИ. Сер. 1. 1999. № 5. –с.16-21.
15. Быкова В.Г., Пителинский К.В. Информация как объект права. //Межотраслевая информационная служба - №2 – 2006 – с.34-45
16. Войниканис Е.А. Понятие «информации» и его особенности в контексте правового регулирования Интернета <http://www.ifap.ru/pi/05/voynikas.htm> - 27.01.2012
17. Годин В.В., Корнеев И.К. Информационное обеспечение управленческой деятельности. - М.: Мастерство; Высшая школа, 2001. - 240 с.
18. Городов О.А. Основы информационного права России. – СПб., 2003. – 305с .
19. Гриняев С. Особенности информационной войны во время агрессии НАТО против Югославии (по материалам открытой печати) <http://www.agentura.ru/equipment/psih/info/yugoslav/> - 05.02.2012
20. Дозорцев В.А. Информация как объект исключительного права // Дело и право. 1996. № 4. С. 27-35.
21. Кузьмин В.П. Понятие и юридическая сущность информации// Информационное право – №2–2009 – с.3-9
22. Раца А. Становление информационного права в Республике Молдова//Закон и жизнь. - №7. -2007 – с.42-47
23. Гражданское право: учеб. в 3 Т. -6-е изд., перераб. и доп. /Отв. ред. А. П Сергеев, Ю.К. Толстой . – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005 – 776с.
24. Степанова Н.С. Информационное противоборство между Японией и КНДР//Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция» ». – № 1. – М.: Изд-во МГОУ, 2010. – с.36-41
25. Снытников А.А., Туманова Л.В. обеспечение и защита права на информацию. – М.: Городец-издат., 2001 – 344 с.
26. Стрельцов А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности России: теоретические и методологические основы. – Минск, 2005. – 304 с.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В. СТЕРПУ,
докторанд, Государственный университет Молдовы

SUMMARY

The article deals with the problem of the prevention of crimes which is considered to be one of the major problems on maintenance of national and international safety. Studying the international experience in prevention of crimes and its use in the activity of law-enforcement bodies is one of the methods of perfection and efficiency on prevention of criminological situation.

* * *

В статье рассматривается аспект предупреждения преступлений, который является одной из важнейших проблем по обеспечению национальной и международной безопасности. Изучение зарубежного опыта по предупреждению преступлений и его использование в деятельности органов внутренних дел является одним из путей совершенствования эффективности по противостоянию криминогенной ситуации.

Предупреждение преступлений является одной из важнейших проблем для юридической науки и острейшей государственной прерогативой для укрепления правопорядка и стабилизации общества в целом. Изучение зарубежного опыта по предупреждению преступлений и его использование в деятельности органов внутренних дел является одним из путей совершенствования эффективности по противостоянию криминогенной ситуации.

зации криминогенной обстановки.

Исходя из этого, изучение всего комплекса проблем с теоретической и практической точки зрения данного вопроса позволят выработать рекомендации по оптимизации деятельности органов внутренних дел на национальном и международном уровнях.

Первоначально предупреждение преступлений выступало в мистической, иррациональной и религиозной формах и было частью культуры своего времени. Только в XV-XVI вв. начался поворот к мировоззрению, опирающемуся на опытные исследования, вместе с которым появилось и научное определение и понимание предупреждения преступности, основанное на подтвержденном практикой знании о свойствах и закономерных связях действительности. XX-й век принес с собой новый взгляд на понимание и методологию изучения предупреждения преступления. В научной среде началось использование статистических, социологических и сравнительных анализов для изучения преступности и ее причин и на этой основе определялись и внедрялись в практику предупредительные меры по

Рассматриваемая проблема в юридической науке изучается с точки зрения изменений в современном мире. Мир стал более открытым. Бурно протекающий процесс глобализации представляет собой сложное и противоречивое явление, не поддающееся однозначной оценке в научной литературе. Результатом глобализации является процесс интеграции национальных, региональных, отраслевых рынков в мировой. Возрастание взаимозависимости стран мира вследствие все более тесной интеграции национальных рынков, товаров, услуг и капиталов, научных и информационных технологий заставляет структуры органов внутренних дел к более открытому сотрудничеству. Открытость современного мира повлияла на многие сферы деятельности человека не только позитивно, но и негативно. Преступный мир стал более

информированным и образованным. Современные средства информации предоставляют преступному миру возможность беспрепятственно общаться, а упрощение визовых режимов между странами открывает неисчерпаемые возможности для совершения новых и более изощренных преступлений.

Хотя за последние годы были предприняты значительные усилия по принятию законодательных актов на международном и национальных уровнях, позволяющие усовершенствовать правовую базу работы органов внутренних дел, вырабатывались концепции, рассчитанные на долгосрочную перспективу, принимались меры по улучшению технического и материального обеспечения и др., но, к сожалению, темпы роста преступлений намного опережают предпринимаемые меры по предупреждению и стабили-

предупреждению преступлений [1, с.6].

В западной криминологии наибольшую известность получили работы по прогнозированию и предупреждению индивидуального преступного поведения. В бывшем СССР первые теоретические исследования в области криминологического предупреждения и прогнозирования были проведены в 1960–1970-е гг. К настоящему времени в юридической науке сформировались элементы системы логических форм, представляющих теорию криминологического предупреждения и прогнозирования преступлений.

В Российской Федерации теоретическую основу исследований в данной области заложили труды таких ученых, как: Г.А. Аванесов, А.И. Алексеев, Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, Ю.Д. Блувштейн, Н.И. Ветров, Л.Д. Гаухман, А.А. Герцензон, К.К. Горяинов, А.И. Долгова, В.Д. Ермаков, Е.С. Жигарев, Г.И. Забрянский, К.Е. Игошев, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, Э.Б. Мельникова, Г.М. Миньковский, Л.П. Николаева, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло, И.П. Портнов, В.П. Ревин, А.А. Рябис, А.М. Яковлев и другие. В их трудах анализируются состояние, причины преступности, дана подробная криминологическая характеристика отдельным видам преступности, (рецидивная, групповая, корыстная, насильственная и др.), изложены рекомендации по совершенствованию профилактической деятельности среди различных групп населения.

Из последних наиболее значимых монографий выделяются научные труды таких авторов, как И.П. Блищенко, Н.В. Жданов [2] и В.А. Ананич, И.М. Серебрякова[3].

К примеру, начиная с 2000

года до сегодняшнего дня в Российской Федерации были защищены более 800 докторских и кандидатских диссертаций по различным юридическим научным специальностям, в которых предметом исследования является проблема предупреждения преступности[4]. Анализ данных работ позволил выявить научный интерес к проблеме на местном, региональном и федеральном уровнях. Проблема предупреждения преступности рассматривается в зависимости от социальных групп (несовершеннолетние, лица пожилого возраста, семьи, женщины, маргинальные группы, рецидивисты, мигранты, сотрудники правоохранительных органов и др.); в зависимости от сфер деятельности общества (банковская, налогообложения, предпринимательская, дорожно-транспортная, компьютерная деятельность и др.).

В российской научной среде определенное внимание также уделяется изучению зарубежного опыта работы правоохранительных органов таких стран, как Германии, Соединенных Штатов Америки, Австрии, Испании, Чешской Республики, Финляндии, некоторых государств Западной Европы и других стран. В последние два-три года прослеживается тенденция по реализации сравнительных анализов в области законодательных актов по предупреждению преступности в России и ряду других стран. Это подтверждает необходимость синтеза научных знаний по предупреждению преступности на международном уровне и выявлению наиболее эффективных мер для внедрения в практику органов внутренних дел.

За последние годы большой вклад в регламентации правовых

основ сотрудничества правоохранительных органов разных стран внесли ООН, Европейский Союз, такие интернациональные организации как Интерпол и Европол. Были созданы и проводятся научно-практические конференции на национальных и международных уровнях, посвященные вопросам предупреждения преступности и обмену опытом между сотрудниками органов внутренних дел.

К сожалению, в Республике Молдова в научной и практической среде недостаточно внимания уделяется проблеме изучения зарубежного опыта по предупреждению преступлений и его использование в деятельности органов внутренних дел.

Выводы, которые можем сделать на базе анализа научной литературы, состоят в том, что в разных странах с теоретической и практической стороны были предприняты усилия по изучению проблем предупреждения преступлений и использования данного опыта органами внутренних дел. Однако, рост преступности намного опережает усилия, предпринимаемые органами внутренних дел по предупреждению преступности. Исходя из данной ситуации, которая складывается на международном уровне, возникает необходимость изучения зарубежного опыта предупреждения преступлений и его использования с целью повышения эффективности борьбы с преступностью органами внутренних дел Республики Молдова.

Объектом данного исследования должны являться общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления органами внутренних дел противодействия преступности и процессу криминализации общества.

Предметом исследовательской работы должно являть-

ся законодательство, регулирующее предупредительную деятельность на международном и национальном уровнях; нормативно-правовые материалы, относящиеся к познанию закономерностей предупредительного направления противодействия преступности, и зарубежный опыт, связанный с профилактикой преступности.

Цель исследовательской работы должна заключаться в выработке, на основе изученного законодательного материала и опыта зарубежных стран, предложений по совершенствованию системы предупреждения преступлений органами внутренних дел и повышения эффективности противодействия преступности и улучшения криминальной ситуации на международном и национальных уровнях.

Задачи исследовательской работы должны определяться последовательностью действий, необходимых для достижения цели. В соответствии с поставленной целью определяются такие задачи, как проведение анализа правового регулирования деятельности ООН в сфере предупреждения преступности; исследование международно-правового регулирования предупреждения отдельных видов преступности; изучение и анализ особенностей преступности в Республике Молдова и зарубежных странах; изучение и анализ особенностей предупредительной деятельности в Республике Молдова и зарубежных странах; анализ взаимодействия органов внутренних дел с международными организациями в борьбе с преступностью; изучение и формулирование предложений по совершенствованию использования органами внутренних дел информационных технологий по предупреждению преступлений.

Теоретическая и практическая значимость исследовательской работы должна определяться актуальностью проблемы и проведением комплексного анализа теоретических, законодательных и практических проблем предупреждения преступности. Таким образом, данное исследование должно внести свой вклад в совершенствование борьбы с преступностью на международном и национальном уровнях.

Теоретическая значимость должна определяться тем, что исследовательская работа будет содержать синтезирующий анализ законодательных актов на международном и национальном уровнях. Практическая значимость будет состоять в представлении статистической и социологической значимой информации об особенностях криминогенной ситуации в Республике Молдова и зарубежных странах. Также, теоретическая и практическая значимость заключается в новом подходе к совершенствованию профилактической работы и предложениях по улучшению законодательства в сфере профилактики преступлений на международном и национальном уровнях.

Методологическую основу исследования должны составлять современные достижения фундаментальных и прикладных наук, относящиеся к исследуемой проблеме. При научной разработке задач исследование должно опираться на научные труды зарубежных ученых, положения международных и национальных законодательных актов, нормативные правовые акты, касающиеся проблем борьбы с преступностью.

Эмпирическая база исследовательской работы должна основываться на использовании исторического, логического, статистического и социологи-

ческого методов исследования, а также и на применении сравнительного анализа, дедукции и индукции.

Библиография:

1. Аникеева Н. Реализация криминологического прогнозирования в предупреждении преступности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности: 12.00.08 - Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, Минск, 2011.
2. Блищенко И.П., Жданов Н.В. Сотрудничество государств в борьбе с международными преступлениями. Москва: Университет Дружбы Народов, 2002.
3. Ананич В.А., Серебрякова И.М. Предупреждение преступности: зарубежный опыт, международное сотрудничество. Москва, 2004.
4. www.diss.rsl.ru (цитировано 1 декабря 2011).